

INSPIRIA

18+

СЫН

ИСТОРИЯ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ,

СВОЕЙ

В КОТОРОЙ ВЫРОС

МАТЕРИ

ПСИХОПАТ-НАСИЛЬНИК

ДЖЕК ОЛСЕН

INSPIRIA

Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Джек Олсен

**Сын своей матери. История
идеальной семьи, в которой
вырос психопат-насильник**

«ЭКСМО»

1983, 2015

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Олсен Д.

Сын своей матери. История идеальной семьи, в которой вырос психопат-насильник / Д. Олсен — «Эксмо», 1983, 2015 — (Tok. True Crime Story. Главный документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-250424-2

«История, после которой я решил стать автором документальных романов». — Грегг Олсен, автор книги «Не говори никому» Как в благополучной семье формируется насильник — и почему это долго остается незамеченным. Тихий американский городок Спокан уже два года живет в страхе: по ночам в районе Саут-Хилл неизвестный нападает на женщин. Он действует хладнокровно и методично, почти не оставляя улик, а число пострадавших идет на десятки. Расследование затягивается: полиция безуспешно пытается выйти на след, жители ищут способы защититься, а местная газета активно включается в поиски — ее главный редактор Гордон Коу принимает звонки, публикует обращения и помогает ловить преступника... не зная, что ищет собственного сына. Джек Олсен шаг за шагом восстанавливает ход расследования и семейный контекст, в котором это стало возможным. Более 150 интервью, архивы и свидетельства складываются в точную и тревожную картину, где за внешним благополучием уважаемой семьи скрываются искаженная близость матери и сына, стертые границы и системное отрицание реальности. Жесткий, документально точный и психологически выверенный тру-крайм, который ставит под сомнение саму идею «нормальной» семьи. «Образцовый репортаж. Олсен превращает, казалось бы, рядовое криминальное дело в драму, достойную сравнения с "Хладнокровным убийцей" Трумэна Капоте». — Newsday «Книга, от которой невозможно оторваться до четырех утра... Редкое по точности и наглядности исследование психопатологии — как насильника, так и распадающейся семьи. Ее должна прочитать каждая женщина». — Энн Рул, автор книги «Убийца рядом со мной» «Классика от признанного мастера тру-крайма. Выдающаяся книга о серийном насильнике из Спокана — благополучном, привлекательном молодом человеке,

сыне одной из самых уважаемых семей города». — The Washington Post
«Захватывающе... Олсен воссоздает цепь событий, разрушивших, казалось бы, идеальную американскую семью и искалечивших жизни множества людей». — Los Angeles Times

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-250424-2

© Олсен Д., 1983, 2015

© Эксмо, 1983, 2015

Содержание

Предисловие	9
Пролог	11
1978–1979 годы	15
1	16
2	21
3	24
4	25
5	27
6	29
7	31
8	33
9	35
10	37
11	40
12	42
13	43
14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

© John. M. Harris

ДЖЕК ОЛСЕН (1925–2002) —

американский журналист и писатель, один из пионеров жанра true crime, обладатель многочисленных журналистских и писательских премий. Бывший начальник бюро Time на Среднем Западе, Олсен писал для Vanity Fair, People, Paris Match, Reader's Digest, Playboy, Life, Sports Illustrated, Fortune, New York Times Book Review и других изданий. За выдающуюся журналистскую деятельность газета Philadelphia Inquirer называла Джека Олсена «сокровищем Америки»; Washington Post и New York Daily News считали его «наставником всех авторов, пишущих о настоящих преступлениях». Исследования Олсена на тему преступлений обязательны к прочтению в университетских курсах по криминологии.

Джек Олсен
Сын своей матери
*История идеальной семьи, в
которой вырос психопат-насильник*

Jack Olsen

SON: A PSYCHOPATH AND HIS VICTIMS

Copyright © 1983 by Jack Olsen

Foreword copyright © 2015 by Gregg Olsen

Photo credit © John M. Harris

© Мордашев Е. А., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Среди нас есть мужчины и женщины, живущие в нашем мире, но не принадлежащие ему... Их часто выдает преступление – взрывное, импульсивное, безрассудное.

Роберт Линднер, доктор медицины

Психопатическая личность – расстройство поведения по отношению к другим людям и обществу; при этом человек, как правило, ясно воспринимает реальность, за исключением своих социальных и моральных обязательств, и

стремится к немедленному удовлетворению – через преступления, наркотики или сексуальные девиации.

Webster's Seventh New Collegiate Dictionary

Привет, малыш. Это я, твой большой приятель. Похоже, мы все преодолели, но мне еще многое предстоит. Надеюсь, тебе не выпадут такие испытания, как мне. Удачи, Билл.

Фред Коу, школьный ежегодник, 1965 год

Предисловие

О Спокане, штат Вашингтон, в детстве я почти не думал, хотя наша семья была с ним связана. После свадьбы родители жили там, и там же родился мой старший брат. В Саут-Хилл, напротив парка Манито, жили наши кузены. Но сам город для меня долго оставался пустым местом – до тех пор, пока мне в руки не попала история, изменившая мою жизнь.

Лет тридцать назад, когда мы жили в Сиэтле, отец дал мне почитать одну книгу.

– Это тревожная история, – сказал он, – но в ней много интересного о Спокане.

Я посмотрел на обложку. Автор – Джек Олсен.

– Наш родственник?

– Нет, – ответил отец. – Он живет на острове Бейнбридж. Журналист. Как и ты.

Начав читать, я не мог не согласиться с отцом: история действительно тревожная. Меня ошеломили портреты Фреда Коу, его отца Гордона и особенно матери – Рут. Это пугающее повествование позволяло заглянуть не только в души персонажей, но и в сердце старого Спокана. Книга напоминала роман с четкой сюжетной линией, только переполненный правдой. Это не мемуары, где автор рассказывает то, что хочет, а мозаика реальности, собранная мастером, – с вниманием к каждому действующему лицу.

Прочитав ее, я понял, чем хочу заниматься: писать документальные детективы. Мои ровесники говорят, что их жизнь изменили «Над пропастью во ржи» или «Дзен и искусство ухода за мотоциклом». Мою изменил Джек Олсен. Мне захотелось описывать реальные преступления – и взять его книгу как ориентир.

Когда я работал уже над своей первой книгой, мне понадобился совет, и путь был только один. Интернета тогда еще не было, и никакой «формы обратной связи» не существовало. Пришлось набраться смелости и позвонить Джеку по номеру, полученному в справочной. Забавно: ни разговоры с серийными убийцами, ни попытки уговорить агента ФБР дать интервью не вызвали у меня такого волнения, как этот звонок. Я преклонялся перед его работой и стремился ему подражать – разговаривать со всеми, держаться фактов и не останавливаться, пока не доберешься до главного.

Я начал позванивать Джеку и встречаться с ним на книжных мероприятиях, а он стал называть меня «кузен Грегг» – хотя, разумеется, мы не были родственниками.

Однажды я сел на паром из Сиэтла на остров Бейнбридж, чтобы увидеться с ним. Я искал новую историю и думал: не осталось ли у него за эти годы какого-нибудь дела, которое заинтересовало его, но по каким-то причинам так и не стало книгой. Даже остатки у Джека Олсена могли оказаться бесценными. Он встретил меня у пристани на своем черном «Лексусе» и отвез домой. Вторую половину дня мы провели в его кабинете, переделанном из гаража: книги, премии «Эдгар», газетные вырезки – и в центре всего сам Джек.

Мы говорили о рыбалке, писательстве, прочитанном и о последнем литературном скандале, который его взбесил. Джек не стеснялся в выражениях и не боялся вступать в конфликт – ни с кем. Особенно его раздражали авторы, прибегающие к мелодраме и выдумке: он считал их разрушителями жанра.

Джек истово верил, что и герои наших историй, и их читатели заслуживают правды. Его документальная проза – образец точности и элегантности. Слово за словом, кирпичик за кирпичиком он выстраивал повествование, несокрушимое в своей достоверности. И каждое слово в нем было правдой.

Думаю, «старейшина документального детектива», как его тогда называли, был бы разочарован нынешним состоянием жанра: тем, что громкие дела перемалывает телевидение, что за истории требуют деньги, а книги выпускают, не задаваясь вопросом, достойна ли история книги – или лишь журнальной статьи.

Джек увидел золото там, где другие прошли бы мимо – в истории серийного насильника из города, который многие считали провинциальным северо-западным захолустьем. Другие выбрали бы нечто более громкое, более «дьявольское», случившееся где-нибудь еще. Но не Спокан.

Его талант заключался не только в том, как он писал, но и в том, что он выбирал. В отличие от многих коллег, сосредоточенных на привычных сюжетах – «муж убил жену» или «жена убила мужа», – Джек искал более сложные истории. И от этого выиграли все.

Для жителей Тихоокеанского Северо-Запада имя Фреда Коу стало одним из самых одиозных – наряду с Тедом Банди. Фред и его мать Рут стали синонимами упорного отрицания вины. Рут – со своим нарциссизмом, претенциозностью и жаждой мести – стала местной легендой.

Много лет назад я брал интервью у женщины по имени Мэри – она когда-то была влюблена во Фреда Коу и писала воспоминания под рабочим названием «Коу, которого я знала». Книга так и не вышла, но сам Коу, как это уже бывало, вновь начал «жить» – на этот раз как фигура почти мифическая, как «знаменитый заключенный».

Каждым тщательно выбранным словом Джек приподнимал завесу и показывал Коу такими, какие они есть, – позволяя понять, как стало возможным невыносимое.

Дело Фреда Коу стало частью истории, но в Спокане его не забыли. Остановившись этим летом в отеле «Давенпорт», я упомянул семью Коу в разговоре с официанткой.

– Мать была нечто, – сказала она.

Сдержанно – как и принято здесь.

С тех пор, как Джека не стало, прошло больше десяти лет, но сама история не закончилась. Приговор Фреду отменяли, его судили повторно – и в итоге он получил двадцать пять лет. Все это время он, как и прежде, отказывался признавать вину. Он мог бы выйти раньше, если бы согласился на лечение, но не сделал этого. Сейчас он содержится в специальном центре на острове Макнил.

Недавно, помогая вдове Джека разобраться с его архивом, я нашел одно из его писем. В нем он писал обо мне – что я принял его эстафету и посвятил себя серьезной, основанной на исследовании, «неприукрашенной» криминальной журналистике. Письмо было адресовано другому человеку, но для меня эти слова значат больше, чем многое в моей карьере.

Пожалуй, кроме одного – возможности познакомить с этой книгой новых читателей.

Прочитав ее, вы почувствуете разницу между настоящим мастером документального детектива и теми, кто лишь делает вид.

Джек Олсен – из первых.

Грегг Олсен

Олалла, штат Вашингтон

Пролог

Сиреневый город

Спокан, похоже, не вызывает у людей сильных чувств... Лично я никогда не испытывал к нему ничего – ни хорошего, ни плохого. Я просто пытался его продать. Четыре года – по 40–60 часов в неделю – как «чудесный край отдохновения», «врата в пышный северо-западный озерный край», место с недорогой недвижимостью, без смога и преступности – идеальное для того, чтобы растить детей.
Фред Коу, 15 января 1982 года

Большинство американцев смешивают в одну кучу города Северо-Запада – Сиэтл, Спокан, Портленд, Такому. Дождливые города, серые и сырые, хмурые. Но Спокан не хмурый как минимум климатически. Осадков в нем выпадает всего на пару капель больше, чем в Лос-Анджелесе, и вдвое меньше, чем в Сиэтле или Нью-Йорке. Солнце палит не имеющий выхода к морю «Сиреневый город» так нещадно, что на солнечной энергии работает часть тамошних железнодорожных семафоров.

Сухой Спокан так же далек от сырого Сиэтла, как Ричмонд от Нью-Йорка, и так же от него отличается. Расположенный на самом востоке штата Вашингтон, в двадцати минутах по автостраде от Айдахо, этот так называемый Центр Внутренней империи – добросердечная рыночная площадь и железнодорожная станция, гостеприимный уголок, где таксисты выходят, открывают вам дверь и желают удачи, а забота о родном городе возведена в ранг искусства.

Спокан – край «синих воротничков» и «панибратского тыканья» (а еще край Рейгана, хотя многим из 177 000 горожан президент кажется слишком либеральным). Город расположен в естественном амфитеатре, окружен холмистыми пшеничными полями, выработанными угольными шахтами и серебряными копиями, солончаковыми балками и лунного пейзажа пустошами, припорошенными пылью с горы Сент-Хеленс. Рядом раскинулись густые леса, в городскую черту забегают пумы, а высоко над зданиями даунтауна иногда парят орлы. На скале над Спокан-Фоллс обитают сурки и свистят клиентам бара в центре города.

Город не лишен доли индустриального уродства, почерневших остатков бывшей железнодорожной станции. Однако преимущественно возрожденный Спокан зеленеет, благоухает цветами, достойный муниципальных наград, посыпавшихся на город после успешной Международной выставки 1974 года.

Американцам, забывшим сороковые и пятидесятые, это место и его дух представить трудно. Приезжий как-то написал в местную газету: «Я хотел бы поблагодарить водителя автобуса в Спокане, вернувшего мне пакет, который я на днях оставил в автобусе, а также сказать, что я обратил внимание, насколько все водители вежливы. Во время моего пребывания в Спокане они были очень любезны. Приятно осознавать, что есть еще внимательные и добрые люди».

В Спокане заботливые и добрые люди – норма. Местные гордятся помощью и отзывчивостью, водитель со спущенной шиной тут долго не промается. Былые обычаи объединенными усилиями сохраняют природные условия и география. Женщин, пока не начнут обвисать груди, величают «девушками», потом – «леди». По этим милым улицам гуляют Оззи и Харриет, Бивер Кливер, Брейди Банч. Город идеального размера: ровно настолько велик, чтобы предоставлять космополитические удобства, и ровно настолько мал, чтобы хранить добрососедство и общинность. Улицы широки, пробки неведомы. Пешеходы машут в знак благодарности, когда машины останавливаются на пешеходных переходах, горожане излучают смесь

простодушия и дружелюбия, быть может, и подвид наивности, но, тем не менее, бодрящий. Остроумничать и пытаться не стоит:

«Кассирша в ресторане быстрого питания: «Спасибо! Хотите сыграть в нашу словесную игру?» Посетитель: “Я не очень спортивен”. Кассирша: “О, спортивным вам быть не обязательно!”»

Тяжело работающим жителям Спокана не до тонкостей споров о бри и сотерне. Жены убирают дома и автобусами ездят в центр на работу, а с завода «Кайзер Аллюминум», сортировочной станции «Бёрлингтон Нортерн» и сотен малых предприятий вдоль реки и на склонах холмов возвращаются усталые мужья. Жизнь здесь держится на грани нужды и одновременно сохраняет свои простые, почти племенные ритуалы.

По вечерам в выходные юнцы Спокана «разгоняют тоску», разъезжая по Риверсайд-авеню на сверкающих пикапах и старых, еще детройтских машинах, сигналив девушкам – сцена будто из «Американских граффити». Для большинства этих подростков самое тяжкое преступление – стянуть штаны с одноклассника или закрасить в ресторане «Блэк Ангус» букву «Г».

Горожане постарше отдыхают, бегая, катаясь на лыжах или потягивая пиво, а пожилые проводят время в «Биг Бразерс Бинго» на Норт-Монро-стрит, где можно выиграть от ста долларов до тысячи – если угадаешь номер первого или последнего шара.

Кажется, время в Спокане замерло, превратив город в своего рода антропологический заповедник. На воскресный бранч в барочное фойе отеля «Давенпорт» женщины определенного возраста приходят прямо из церкви – в туфлях на шпильках, в очках «кошачий глаз» со стразами, с прической паж или в париках с устремленными вверх башнями локонов. Мужчины носят странные ежики, каскады или начесы а-ля помпадур.

Только что приехавшие из Палуса фермеры щеголяют в атласных рубашках и галстуках-лассо, а состоятельные бизнесмены, закинув уставшие ноги на кадки с растениями, хвастаются новыми ковбойскими сапогами за пятьсот долларов – с вышитыми завитками и узорами.

Мода на тематические рестораны здесь еще не прижилась, и пообедать вне дома можно без неизбывной спаржи и прочих гастрономических затей. Еда простая и дешевая, вывески обещают: «Бефстроганов, телятина с пармезаном», «Ресторан Пола утолит голод».

При подаче каждого блюда официантки непременно прошебечут: «Пожалуйста, ваше!», кофе будут подливать чуть ли не ежеминутно, а названия вроде «шабли» и «вишисуаз» произнесут строго по написанию – с той самой старательной серьезностью, от которой становится еще уютнее. Местные любят избитые выражения, навроде «Три часа в чистом виде»¹ и «Прям вторник целый день»², а в ответ на вашу благодарность улыбнутся и скажут: «Обращайтесь еще!» или «Обращайся!», и серьезно, без тени усмешки. Иногда попадаются и злобные горлодеры, и хамы, но знают свое место.

За пять десятилетий после отъезда в 1920-х годах Гарри Лиллиса «Бинга» Кросби в этом задымленном старом городе с железной дорогой произошло очень мало событий национального масштаба. Расслабленный стиль Кросби чисто споканский, и местные вспоминают его с теплотой. На территории кампуса Университета Гонзага, его альма-матер, музей Кросби и статуя певца. Отдельным первокурсникам, «еще не вполне уловившим дух Гонзаги», по выражению его президента, не дает спокойно спать бронзовая трубка во рту статуи. Замена украденных трубок обходится в сто долларов за штуку, и с недавних пор охранники кампуса на ночь убирают, а с восходом солнца возвращают трубку, словно флаг.

¹ Не лучшее время (*Здесь и далее прим. ред.*)

² Вторник считается тяжелым днем.

Редкое общенациональное упоминание старого родного города случилось в популярном телевизионном ситкоме «Такси» в диалоге бывшего хиппи таксиста Джима Игнатовски и посетительницы нью-йоркского таксопарка. Игнатовски спрашивает:

– Вы в городе недавно?

– Да.

– Откуда вы?

Женщина отвечает:

– Из Спокана.

– Спокан!

– Вы там бывали?

– Нет. Подождите! Что я говорю? Я из Спокана, э-э, думаю. Послушайте, какое красивое платье. Где вы его купили?

– В Спокане.

Он внимательно изучает ее фигуру.

– Ух ты! Давно я не видел платьев из Спокана.

Почивший журнал «Спокан» на диалог посетовал. «Бойсе – смешной, – отмечалось в редакционной статье, – Такома – смешная. Уолла-Уолла – годится посмеяться в любой день года. Но Спокан даже близко не смешной».

Ни один разумный наблюдатель не поспорит. Милый и удобный для жизни Спокан – это замкнутая белая англосаксонская христианская община, относящаяся к себе и собственному благочестию серьезно. Типичная растяжка на доме: «Боже, благослови Америку, Мир на Земле», а на рекламном щите попросту: «Деяния 1:8». Алкаши обретаются у здания Объединенной Евангельской миссии с выведенной на фронтоне надписью: «Христос – наша вера, любовь – наш закон». Собор Святого Иоанна, архитектурный шедевр, словно перенесенный из долины Луары, возвышается над городом подобно бдительному отцу-епископу.

Чернокожие составляют менее двух процентов местного населения, а притока новых этнических групп не наблюдалось с тех пор, как до 1900 года сюда приехали (и вскоре уехали) китайские железнодорожные рабочие. Когда-то в городе было две синагоги, но одну снесли при строительстве федеральной трассы I-90, а на восстановление не хватило общины. Потомки скандинавов давно ассимилировались, а восточноевропейскую, итальянскую, греческую или любую «восточную» фамилию – как и акцент – здесь услышишь редко. Радиостанций на иностранных языках и этнических кварталов нет. Зарубежные фильмы крутят только до субботнего вечера, да и смотрят их не столько ради самих фильмов, сколько ради Клинта Иствуда или Берта Рейнольдса – но и тех обходит «Дисней». Порнокинотеатры существуют, но успех у них умеренный, и синефилы заходят туда украдкой.

Моральный тон города задает консервативное сообщество «старых денег», опирающееся на банковский, горнодобывающий, лесозаготовительный и фермерский бизнес. Его олицетворяют братья Билл и Джим Коулзы – мультимиллионеры, издатели, филантропы и владельцы недвижимости. Обоим нет и пятидесяти, выпускники Йеля, трезвенники, республиканцы и пресвитериане – из тех, кто после Рождества сдаст оставшиеся бутылки. Их дед приехал сюда из Чикаго в 1880 году, когда «Спокан-Фоллс» был всего лишь лесопилкой у индейского лагеря.

Спокан – один из крупнейших городов США, где одна семья владеет единственными утренними и вечерними газетами, а также радио- и телестанциями. Почти столетие семья Коулзов использовала свое богатство и влияние, чтобы навязывать городу устаревшие моральные нормы. Долгие годы газеты отказывались публиковать объявления о разводах. «Эта семья всегда была влюблена в прошлое, – говорит местный бизнесмен. – Их позиция проста: в Спокане нет преступности, нет порока и, упаси Господи, скандалов. Здесь есть только мы – христиане».

Сексуальная революция остановилась у городских ворот. В 1940-е годы полиция ликвидировала местное подпольное сообщество, и скандал оказался столь громким, что даже газеты

были вынуждены его освещать. Многие жители тогда звонили в библиотеку, чтобы узнать, что означает слово «гомосексуалист». Горожане были потрясены: торговец мебелью оказался опозорен, а врач покончил с собой – поступок, который многим показался единственно достойным.

Почти четыре десятилетия спустя, уже в новых условиях, старый чистильщик обуви в отеле «Давенпорт» открыто выкладывал журналы «Пентхаус» и «Хастлер», но, словно на всякий случай, включал религиозную радиостанцию – как бы «для очищения воздуха». Власти по-прежнему принимали строгие законы о непристойности (которые суды штата столь же регулярно отменяли). В преддверии выборов устраивались традиционные рейды по массажным салонам и другим притонам вялого разврата, и пресса Коулзов им аплодировала. При этом жестокие сексуальные преступления – такие как изнасилования – систематически замалчивались. Газетная бумага лучше подходила для создания образа «всеамериканского города» – идеального места для бизнеса.

Казалось, именно благодаря этой сплоченности и замкнутости Спокан процветает. Если наблюдатели намекали, что обращенность внутрь себя и к прошлому – рискованная городская привычка, им возражали: родной город – это безопасное и чистое место в небезопасном, нечистом мире. Этот образ держался до появления Фреда и Рут Коу.

1978–1979 годы

Примечание автора

Некоторые лица, изображенные в этой книге, просили скрыть свои имена, опасаясь мести или стыдясь того, что стали жертвами сексуальных преступлений и других унижений. Вымышленные имена при первом упоминании даны курсивом (например, Лоис Хиггинс).

1

«Отыметь мохнатку», выразаясь тюремным жаргоном, – уверяю вас, не мое. Я никогда так не поступал и не стану. Я обожаю женщин, не испытываю к ним ни малейшей враждебности – и никаких «странных комплексов» в отношении матери у меня нет. В сексуальном плане я совершенно нормален.

Фред Коу, 5 апреля 1982 года

Лоис Хиггинс отодвинула чашку кофе и выбежала из ресторана. Глупый спор затянулся – ей нужно было побыть одной. Больше ни секунды не хотелось сидеть с мужем и его друзьями-байкерами: они только и делали, что спорили.

Лоис еще не исполнилось и двадцати, но она уже пережила выкидыш, развод, нищету и столько семейных неурядиц, что их хватило бы на месяцы ее любимой мыльной оперы. Поэтому очередная склока была последним, чего ей хотелось в эту апрельскую ночь 1978 года. Три недели назад она пыталась покончить с собой, и голова у нее до сих пор не пришла в норму. Ела она раз в день – и то не всегда. При росте 165 см весила 39 кг.

От ресторана «Випс» она поспешила к подземному переходу железной дороги «Бёрлингтон Нортерн». У дальнего выхода она поняла, что Эл за ней не идет. Загремели дизели – приближался товарный поезд. Пока он грохотал над головой, она смотрела, как задние стены зданий окрашивает желтоватый, дрожащий свет фары. Как и все местные, она привыкла к этим темным громадам, напоминавшим старому железнодорожному городу о его прошлом.

Каркасный дом, который Лоис, Эл и их дочь делили с приятелем, находился в трех милях к северу от реки, но перспектива долгого подъема ее не пугала. Выросшая в яблоневых садах Вашингтона – «вечная бедность: фасоль почти каждый день, мясо – пару раз в неделю, если повезет», – она легко проходила пешком по пять-десять миль. Врачи считали ходьбу самым безопасным для нее занятием. В ее истории болезней были плеврит, пневмонии и астма, а также яркие воспоминания о срочных госпитализациях.

Она торопливо прошла мимо ярко освещенного здания оперного театра и вышла в парк Риверфронт – благоустроенное пространство, еще недавно представлявшее собой лабиринт закопченных рельсов, эстакад и складов, где хозяйничали крысы. Она решила срезать путь через лужайки, разбитые к Экспо-74. Эл пусть катится ко всем чертям. Если он и пойдет за ней, здесь он ее не найдет. Над головой изящными дугами изгибалась кровля Международного павильона. Она опустилась на скамейку, чтобы перевести дух.

В этом парке они и познакомились во время выставки. Эл – мускулистый ветеран Вьетнама, необычайно мягкий и эмоциональный. Как он радовался, когда она забеременела: «Сиди дома, не поднимай тяжестей! Черт, у меня будет сын. Я – отец». Он строил планы вернуться к учебе.

На втором месяце Лоис поскользнулась на льду и сильно ударилась спиной. В потере «моего сына» Эл винил ее. Когда она забеременела снова, он потребовал сделать аборт, но она отказалась. Он перестал с ней разговаривать. «Он весь на нервах, – говорила она подругам своим детским, чуть шепелявым голосом. – У него одно на уме: уходи, ты потеряла моего сына, и этот ребенок тоже не выживет».

Но Бекки, весившая при рождении 2,4 кг, выжила – крепкий, здоровый ребенок. Эл почти не обращал на нее внимания. У него появилось новое увлечение – разъезжать на мотоцикле и заигрывать с юными девушками.

Лоис впала в послеродовую депрессию – «материнскую тоску», как она это называла.

Год спустя, сидя на скамейке в парке, она все еще чувствовала себя преданной и брошенной. В одном из новых стеклянных зданий в центре погас свет, напомнив ей, что среда подхо-

дит к концу. Когда она вышла на мост, вокруг никого не было. Внизу журчала река Спокан: весенний разлив заполнил русло от берега до берега.

В последние дни горожане собирались на мосту Монро-стрит, наблюдая, как с водопада Спокан Фолс с грохотом обрушивается коричневато-зеленая вода, заглушая разговоры и поднимая облака брызг, играющих на солнце крошечными радугами, – впечатляющее зрелище в самом центре города. Когда-то Лоис любила эту дикую красоту, но сейчас у нее было слишком много проблем.

Она начала долгий подъем в гору мимо тусклых, безликих витрин. На первого встречного после ресторана она едва взглянула. Это был ее район – безопасный, старый Спокан. Да и не пристают мужчины к женщинам, от которых почти не падает тень.

Она вспомнила ту ужасную субботнюю ночь три недели назад. После ужина Эл направился к двери.

– Ты не останешься дома со мной и Бекки? – взмолилась Лоис. – Эл, ты обещал, ты сказал, что сегодня вечером останешься с нами.

– Ну, если обещал.

Весь вечер он просидел молча, уткнувшись носом в книгу. Около полуночи Лоис пошла спать. Несколько минут спустя она услышала, как он уезжает на мотоцикле. Вернувшись домой на рассвете, он помчался в больницу, где врачи откачали ее после передозировки медикаментами – она выпила все, что нашла в аптечке. С тех пор она ходила в психиатрическую клинику. Эл и врачи ее предупредили, что если она не исправится, то потеряет Бекки.

Поднимаясь по длинному холму, она пыталась понять, почему он к ней охладел. Она спрашивала себя: неужели я такая уродина? Да, худая, но фигура у нее все еще хорошая, талия тончайшая, как у молодой девушки. Блестящие каштановые волосы ниспадали до стройных бедер, лицо узкое, почти острое, но гладкая бледная кожа, полные губы и свето-карие глаза придают ему шарм. На сегодняшнее редкое свидание она принарядилась в лучшее: новые синие джинсы, коричнево-белую блузку, темно-синюю джинсовую куртку и новые мягкие коричневые снегоступы, неожиданный сестрин подарок. Прежде чем Эл начал в ресторане по ее поводу язвить, он сказал ей, что она хорошо выглядит, редкая с его стороны похвала.

Машина замедлила ход, а потом умчалась. Кажется, для съема признана негодной, сказала она себе. Часы на похоронном бюро «Хазен и Егер» показывали 11:43. За полчаса она прошагала двадцать кварталов.

Эл ее искал? Скорее всего, он тусовался с малолетними девицами на Риверсайд-авеню. Когда-то она сама была малолеткой, но превратилась в болезненную девятнадцатилетнюю девушку, не сумевшую родить мужу наследника. Она подумала: «Благодарю тебя, Боже, за мою милую малышку!» Через несколько дней у Бекки первый день рождения. Эл обещал присутствовать.

Проходя мимо пиццерии «Сэвидж Хаус Пицца Парлор», она подумала о том, чтобы снять куртку. Мотоцикл резко свернул на Бульвар Норт-Вест, и она, не поворачивая головы, посмотрела. Это был не Эл. Она спрашивала, почему он за ней не кинулся. Сколько мужчин позволят жене поздно ночью выйти из ресторана и не побеспокоятся, куда она? Ей хотелось о нем больше не думать.

Она повернула на запад на Индиана-авеню, обсаженную кленами и платанами и застроенную маленькими, выросшими в землю домишками. Воздух наполнился сладким ароматом сирени. В темноте между двумя уличными фонарями из-за белой припаркованной машины, словно черт из табакерки, выскочил мужчина. Он немного напоминал соседа ее матери. Прежде чем она успела сообразить, почему он встал у нее на пути, он схватил ее за плечи.

Она увидела, что у него длинные светлые волосы, бакенбарды и усы: типичный студент. Одет он был аккуратно – синий джинсовый костюм, брюки и тяжелую куртку – сам широкоплеч

и намного выше ее 165 см. Она посмотрела в его бесцветные глаза и подумала: «Боже мой, это насильник».

Она закричала.

Он зажал ей рот ладонью.

– Я уберу, если не закричишь, – пообещал он. Короткими болезненными кивками она выразила согласие.

Он убрал руку, и она закричала:

– Боже, помогите, он хочет меня изнасиловать! Пожалуйста! О...

Левую ладонь он наполовину засунул ей в горло. Пока она задыхалась, он коснулся ее лицом, и она почувствовала запах мыла и мяты. Она пыталась вдохнуть и безумно удивлялась, почему насильник старается ее не оскорбить.

– Если не закричишь, – сказал он, – я не причиню тебе вреда.

Она попыталась выговорить «хорошо», но смогла лишь промычать. Он подтолкнул ее к газону между двумя темными домами.

Проехала машина. Когда свет скользнул по его лицу, он крепко ее обнял. Ей удалось лучше разглядеть квадратный подбородок и холодные голубые или зеленые глаза. Они не моргали и, казалось, были полны ненависти. Она спрашивала почему. Она никогда его раньше не видела. Почему он так ее ненавидит? При приближении другой машины он оттолкнул ее в дальний конец узкого двора. Она упала на мокрую траву. Он снова сунул руку ей в рот, а другой поднял на ноги. Она поняла, что он силен, и решила не сопротивляться.

Он подвел ее к неосвещенному участку. Она снова упала. Он протащил ее шесть или восемь футов по мокрой траве и поднял на ноги. Она увидела с обеих сторон маленькие клумбы и свежеокрашенный деревянный забор. Он вынул руку у нее изо рта, как будто зная, что она больше не закричит. Он залез ей под блузку, задрал к шее белый хлопчатобумажный бюстгальтер и помял груди.

Через несколько минут он сказал: «Сейчас я тебя вычищу». Он опустился на колени, расстегнул молнию на ее джинсах и сдернул их до щиколоток. Он стянул с нее красные трусы и вытащил тампон. Все еще стоя на коленях, он вынул и снова запихнул ей в рот левую ладонь, свободной рукой вцепился в грудь, а язык засунул во влагалище.

Она стояла неподвижно, безмолвно говоря ему: «Не твори со мной этого безумия. Это мое, а не твое тело. Ты не имеешь права! Стой! Ты не имеешь права!» Она ничего не чувствовала, ничего болезненнее засунутой в рот руки. Она заставила себя не двигаться, не отстраняться. Пусть делает все, что хочет.

Потом она поняла, что он остановился. Она почувствовала, как ее тянут вниз. «Хорошо, – подумала она – он вытащит руку у меня изо рта». Но он засовывал ее все глубже, пока она не почувствовала, как ногти царапают ей горло. «Это невозможно, – сказала она себе. – Творится какое-то безумие! Это сон. Я... где-то не здесь. Боже, дай мне вздохнуть!»

Он пытался убить ее. Она отдернула голову и перевернулась на живот. Он забрался наверх, она подняла руку, когда проезжала другая машина, зная, что это бесполезно. Он оседлал ее и сказал: «Давай, давай». Она увидела, что он спустил штаны и дергал член. «Давай», – повторил он.

Через несколько минут он перевернул ее и вошел в нее спереди. «Нравится?» – спросил он. Она хотела подыграть ему, но у нее все еще был кляп. Она начала кричать, и, казалось, ладонь расширилась в ее горле. «Больше не пытайся», – приказал он, поднимая кулак. Он обрушил на нее непрерывный поток вопросов: «Нравится тебе это? Нравится трахаться? Ты замужем? У тебя есть дети? Ты живешь неподалеку? Тебе это нравится?» Она спрашивала себя, почему ему так важно, чтобы ей нравилось. Потом она подумала: «Я выберусь из этого? Увижу Бекки? Боже, пожалуйста, сделай так, чтобы он ушел...»

Он встал с ее тела и начал ритмично тереть член о джинсы вокруг ее лодыжек. Он издал несколько стонов и задрожал. Она открыла глаза и увидела прямо перед собой тюльпаны на аккуратной клумбе. «Как странно, – подумала она, – мои любимые цветы». На углу дома она различила очертания куста сирени десять или двенадцать футов высотой. Запах навел на мысль о гробах.

Он поправлял одежду.

– Не говори полиции и вообще никому, – сказал он. – Я вернусь и убью тебя. Поняла?

– Поняла, – сказала она, пытаясь прикинуться кроткой. Он перешагнул через нее и исчез в направлении Монро. Она подумала: «Уже не опасно встать? Не опасно позвать на помощь?» Она вспомнила, как много лет назад бабушка ей сказала: «Если когда-нибудь попадешь в беду, беги в ближайший дом. Такое миниатюрное создание как ты, – люди тебе помогут».

Она доковыляла до соседнего белого каркасного дома 1219 по Индиана и громко постучала. Никто не ответил. Она поняла, что полуголая. Она натянула трусы и джинсы, застегнула ремень, запахнула блузку. Бюстгальтер болтался на шее, она не потрудилась его застегнуть. Она убрала с лица длинные волосы и заметила, что они грязные. Грудь казалась впалой, а кожа холодной. Она бросилась к дому на другой стороне двора, бунгало с облицовкой из искусственного кирпича, и вновь ей никто не ответил.

Она вернулась на тротуар и огляделась. Ей пришло в голову, что мужчина мог наблюдать из тени. Она изо всех сил побежала по неровному тротуару.

Она заметила свет в деревянном доме цвета яйца малиновки и обеими руками постучала в дверь. Та чуть приоткрылась. Она спросила:

– Можно мне от вас позвонить?

Голос у нее был хриплый, она чувствовала, как в горле течет кровь.

Женский голос сказал:

– Нет.

– Боже мой, меня только что изнасиловали, мне нужно позвонить.

Когда она произнесла эти слова, ее впервые осенило: «Меня изнасиловали! *Изнасиловали!*» Она старалась не упасть в обморок.

В прихожей женщина указала на телефон. Лоис набрала «ноль» и выпалила в трубку:

– Соедините меня с полицией! Меня только что изнасиловали!

Прошло много времени, прежде чем оператор подтвердил ее запрос. К тому моменту, как на линии раздался другой голос, она уже не была уверена, где находится. Она вспомнила, что в квартале или двух к западу от Индианы есть супермаркет «Альбертсон», она спросила, может ли кто-нибудь встретить ее там.

Сын женщины отвез ее в магазин на своем пикапе, и Лоис вцепилась в первого попавшегося ей на глаза полицейского, точно в спасителя. Он отстранялся, а она хватала его за руки. Она чувствовала, что если кто-то ее не успокоит, она будет кричать и никогда не остановится.

– Пожалуйста, – сказала она. – Держите меня. Держите меня! Меня только что изнасиловали.

Полицейские усадили ее на заднее сиденье бело-голубой патрульной машины и закрыли внутри. Звук захлопывающейся двери заставил ее устыдиться. Она попросила отвезти ее домой – может быть, там будет Эл, может быть, он подержит ее. Она была вся в грязи и пятнах от травы, когда, спотыкаясь, вошла в дом.

– Боже мой, – произнес Эл. – Что случилось?

Один из полицейских сказал:

– Ее изнасиловали.

Эл схватил ее за плечи, точно так же, как насильник.

Она закричала:

– Не надо! – и рухнула.

Когда она пришла в себя, полицейские отвезли ее обратно на Индиана-авеню, где она, спотыкаясь, пробиравась по географии изнасилования, пока они делали записи. Они выяснили, почему никто не ответил на ее стук, оба соседних дома были пусты. Полицейские освещали своими длинными черными фонариками участок газона и искали улики.

В больнице «Диаконисс», одной из трех крупных больниц, расположенных на холме к югу от реки Спокан, все были любезны и профессиональны. Медсестра попросила ее раздеться, и когда Лоис сказала, что больше не хочет прикасаться к своей одежде – ее нельзя стирать, – медсестра раздела ее, как ребенка. Ее тело было покрыто коростой грязи, медсестра вымыла ее. Лаборантки сделали мазки. Во влагалище и на правой штанине синих джинсов была семенная жидкость, однако первые микроскопические исследования не показали никаких сперматозоидов. Один из врачей предположил, что насильник смог выполнить только подготовительные действия к половому акту, без полной эякуляции. Она слушала, но слышала как в тумане. Единственное, что она знала, что чувствует себя комком грязи.

* * *

Она пролежала в ванне почти до трех часов ночи, от горячей воды кожа порозовела. Пришел Эл, но она попросила его уйти – ей нужно было подумать. Когда она, наконец, забралась в постель, с ней была Бекки. Эл дал понять о своих намерениях, поглаживая кончиками пальцев ее соски. Она подумала: «Боже мой, не сегодня!»

– Эл, пожалуйста, – прошептала она.

Когда несколько минут спустя он попытался снова, она отстранилась.

– Не... трогай... меня, – медленно проговорила она. – Просто оставь меня... в покое. Дай мне просто полежать!

В 5:30 зазвонил будильник. Она не спала.

– Иди на работу, – прошептала она. – Иди! С нами все будет в порядке.

Он ушел в шесть утра, как раз когда ее мать собиралась прийти на помощь. Через несколько часов раздался громкий стук в дверь. «Не отвечай!» – прошептала она. Она схватила кухонный нож, посмотрела на улицу и никого не увидела.

– Кто там? – крикнула она через дверь.

В ответ раздался приглушенный голос.

«Насильник! Ну, Бекки я пальцем тронуть не дам. Ни единым!»

– Только покажись, – закричала она, – получишь этим ножом!

В окне появилось лицо мужчины. Он держал значок. Она приоткрыла дверь, а он произнес:

– Полиция.

Она внимательно его рассмотрела, для насильника он был слишком стар. Все еще дрожа, она впустила его. Он подвел ее к дивану и вытащил у нее из руки нож.

2

Да, Ф. Х. «Кевин» Коу – редкая птица. Объективист, либертарианец, радикальный капиталист, полемист, активист, специалист по маркетингу и коммуникациям – остроумный, красноречивый, эгоист, убежденный материалист. Любитель одежды, автомобилей, роскоши, женщин, искусства, спорта, крепкого здоровья... жизни. И вместе с тем – эпистемологически метафизический, любитель природы и животных. Парадоксальная модель человека – стремление к совершенству.

Фред Коу, 5 апреля 1982 года

Тем летом 1978 года Дженнифер Коу начала питать слабую надежду, что все может наладиться. С перерывами она прожила с бывшим мужем шесть лет, и узнала, что жизнь с Фредериком Харланом Коу может быть ухабистой дорогой, даже сейчас, когда они, казалось, идут к примирению. Он помог ей найти квартиру, но продолжал жить с родителями в квартале отсюда, в прекрасном Саут-Хилл Спокана. Он наносил супружеские визиты – иногда тайные ночью – но после почти года этого необычного компромисса все еще ни о чем не рассказывал матери и отцу.

«Для него это типично, – подумала Дженнифер. – Он любит хитрить, ходить не прямо, а круглыми путями. Но, Боже мой, в тридцать один год скрывать от родителей женщину? *Свою бывшую жену?*»

Она была уверена, что знает, чего он боится. Мэйми Рут Энфилд Коу тиранила сына Фреда и мужа Гордона, главного редактора местной «Кроникл», и изо всех сил пыталась давить и на Дженнифер. В роли свекрови миссис Коу моталась между Лас-Вегасом и Лос-Анджелесом, бесконечно вмешиваясь в их брак. Во время одной поездки через пустыню Невады вспыльчивая женщина перегнулась через переднее сиденье и ногтями расцарапала ей щеку. Шрам остался навсегда, и, накладывая макияж, ей приходилось его скрывать. Единственное объяснение прозвучало от Фреда: «Мать-Медведица забыла принять таблетки от щитовидки».

Мать и сын всегда были очень близки. Он называл ее Медведиха или Мать-Медведица, а она его – Фреддику, Коко, Рики, Сын. Ее влияние на него было очевидным. Их разделяли двадцать шесть лет – Рут было пятьдесят восемь, хотя одевалась она по-молодежному, – но вели себя они скорее как влюбленная пара: с ссорами, примирениями и демонстративной близостью. Дженнифер хотелось только одного – чтобы эта женщина оставила их в покое.

Не понимала она и отношений Рут с Гордоном Коу. Седовласый отец Фреда, отставной армейский полковник, около сорока лет проработал в «Кроникл» и более тридцати лет прожил в браке с Рут. Он был тихим и трудолюбивым – типичный споканец. Рут изводила его, растрачивала его деньги, называла занудой и тупицей, постоянно грозила разводом. Порой она на месяцы уходила из дома, оставляя и супружескую, и семейную жизнь. Дженнифер не понимала, почему он вообще с ней оставался.

Каковы бы ни были проблемы родителей, Фред и Дженнифер все еще любили друг друга – по крайней мере, она, а Фред вел себя как влюбленный, носил цветы и подарки и умолял дать ему еще один шанс. Их сексуальная жизнь была хороша – он всегда утверждал, что она лучшая партнерша из всех, что у него были, – и они оба, казалось, были готовы остепениться: Дженнифер работала бухгалтером, а Фред копил деньги на дискотеку. Но каковы были шансы на примирение, если свекровь продолжала вмешиваться в их жизнь? «Нулевые», – говорила себе Дженнифер.

Ей хотелось понять, что между ней и Рут Коу пошло не так. Версий у нее хватало. Она знала: Рут считает ее слишком старой для своего богоподобного сына. Но разве шесть с поло-

виной лет – такая уж пропасть? Возможно, дело в том, что она уже была замужем, – но ведь и сама Рут тоже. Дженнифер знала, что за глаза Рут называет ее «белым отребьем» – одно из любимых выражений, позаимствованных из «Унесенных ветром», этого, по ее мнению, неисчерпаемого источника мудрости.

* * *

Дженни Линнея Коу, переименованная Фредом в Дженнифер, была преданной матерью прекрасных сыновей-близнецов от первого брака и никак не считала себя «белым отребьем». Свекровь, привыкшая рубить правду в лицо, была скорой на приговор. Она любила – пусть и перевирая – цитировать библейские стихи, главным образом об адском огне и гневе Божьем, тогда как Дженнифер хотелось напомнить ей слова «не судите» из Евангелия от Матфея.

Иногда Дженнифер задавалась вопросом, догадывается ли Рут Коу, что происходит у нее за спиной. Она и Фред не только встречались по ночам – он уже начал перевозить к ней свои вещи из родительского кондоминиума. Последней стала электрическая пишущая машинка. Через несколько дней он собирался окончательно к ней переехать.

Дженнифер до конца не успокоилась по поводу этой затеи. Но он обещал, что на этот раз все будет иначе: его романы начнут приносить успех, дискотека станет популярной, а сам он вложится в недвижимость и разбогатеет. Она понимала, что верить этим планам не стоит. Он всегда жил будущим, а настоящее словно ускользало.

Она вспоминала бесконечные вечера в дискотеках Лас-Вегаса – «Грязная Салли», «Трубадур», – где он очаровывал толпы хихикающих поклонниц у диджейского пульта. Вспомнила, как он вдруг заявил, что собирается разбогатеть, торгуя собой – без особой разборчивости в клиентах.

Вспоминала, сколько раз он не возвращался домой по утрам, сколько раз она ловила его на лжи, его выходки, его странные представления об одежде и жизни. Он постоянно менял внешность: подкрашивал волосы, делал завивку, иногда брил голову и носил парики. В семье Коу придавали большое значение внешности, и Фред, и его сестра Кэтлин сделали косметические операции. Дженнифер не понимала, к чему все это: с операциями или без вся семья выглядела как кинозвезды.

Больше всего ее поражало умение Фреда объяснять свои самые возмутительные поступки так, что она почти начинала с ним соглашаться. Оставшись в Санта-Монике без денег, они целый месяц ни разу не платили в ресторанах: он научил ее незаметно уходить во время десерта, а сам быстро подгонял машину, чтобы уехать. Он убеждал ее, что у человека без денег есть моральное право воровать. Она сама не понимала, как оказалась втянута в подобные истории. Но он говорил уверенно, разбрасываясь громкими словами – и это действовало.

Только вернувшись в консервативный Спокан, она поняла, почему ее тянуло к алкоголю. Но выпивка делала ее раздражительной, и она уже почти год не пила.

Она все чаще задавалась вопросом, хочет ли возвращаться к прежней жизни, где алкоголь был почти неизбежен. Ведь есть и другие города, и другая работа, и другие мужчины. В тридцать семь лет она оставалась стройной, ростом около 175 см, с прямым профилем и высокими скулами. Большие голубые глаза, светло-каштановые волосы – раньше она красила их в черный, пытаясь походить на Рут Коу, но давно отказалась от этого. Говорила она хрипловатым голосом и держалась с изяществом модели. Мужчины обращали на нее внимание еще со школы, где она была одной из лучших учениц, играла в гольф и состояла в обществе отличников.

Иногда ей приходило в голову: хватит ли у них денег на эту новую жизнь? Фред уже несколько лет не имел стабильного дохода. У нее была работа в доме престарелых, а он жил, по сути, на скромную редакторскую зарплату отца. Ее тревожило, что любимый мужчина так

и не преуспел в делах. В тридцать один год его «карьера» сводилась к работе билетером в театре, диджеем и радиокомментатором. При этом он вел себя так, словно был одним из самых успешных молодых предпринимателей своего времени.

Она не раз слышала, как он с важностью говорил: «Я работаю в средствах массовой информации». Иногда он называл себя «бывшим редактором радионовостей», но у нее складывалось впечатление, что его опыт ограничивался чтением новостей между песнями Чабби Чекера и группы Who.

Он утверждал, что пишет книги, но рукописи, которые он часами выстукивал на машинке, издательства не принимали. Все его романы – «Снежок», «Ширли», «Возмущение» и его «магнум опус», сатирический «Секс в Белом доме», – провалились. После тридцати или сорока отказов он издал «Секс» за свой счет, заняв деньги у преданного отца, но ни один крупный распространитель книгу не взял.

Дженнифер знала, что Фред бывает забавен, в особенности когда язвит, однако в этом произведении она не нашла ни единой смешной строчки. Она решила, что недостаточно искушена, чтобы оценить такую игру слов, как «пукитализм», «Америкака» и «Вашчленгтон» или описания мастурбирующего в «Овуляторном кабинете» «президента Ричляда Токсинксона». Целые абзацы отдавали графоманией:

«У Жемчужных ворот разрешалось проживать только представителям высшей касты. Не допускалось ни одного яврея... и никаких катафоликов, никаких протеистантов, никаких черных, красных, желтых или представителей этнических меньшинств – только епибледнолицескопы, атеисты и два индуса (брахманы, окончившие Оксфорд... чтоб вы знали!)».

Тысячи экземпляров книги в мягкой обложке пылились на складе, а он продолжал упорствовать, что когда-нибудь превратит их в деньги. Дженнифер думала: «Он живет где-то в облаках, а в голове – одни мечты». Но это был Фред: принимая его, приходилось принимать и его странности, его энтузиазм, его безумные идеи.

Недавно он сел на диету, полностью исключив пищевые добавки и «яды» вроде тех, что, по его словам, содержатся в водопроводной воде. Объяснения менялись: то это поможет справиться с аллергией, то увеличит его «мужскую силу», якобы мешавшую им завести ребенка, то углубит его «дикторский голос».

Дженнифер не понимала его навязчивой озабоченности голосом. Он говорил нарочито холодно, подражая своему кумиру Хью Хефнеру, но ни в манере, ни в подаче не было ничего собственного. Он мог перейти на густой бас, изображая Санта-Клауса, или, наоборот, срываться в визгливый фальцет, копируя Теда Бакстера, нелепого телеведущего из старого «Шоу Мэри Тайлер Мур», – но все это оставалось лишь подражанием. Работы диджеем на радиостанции KENO в Лас-Вегасе он лишился после того, как один из начальников в неудачный для него день устроил повторное прослушивание.

Теперь, чтобы «сохранить голос», он питался сардинами, печеным картофелем и пил воду «Перье». Дженнифер это напоминало человека, который тратит время на полировку бесполезной безделушки.

Но многое в любимом мужчине оставалось для нее непонятным. Она всегда была склонна винить себя, и, возможно, в их бедах ее доля не меньше его. В сущности, они были похожи – Коко и Дженни, Сын и Сладкая Пташка, Рик и Пупсик. И рано или поздно в их жизнь снова вмешается старая Медведиха Рут.

«Боже мой, – подумала Дженнифер, – нас тут слишком много. Как из этого вообще может что-то получиться?»

3

Два месяца спустя после нападения у клумбы тюльпанов у Лоис Хиггинс так и не возобновился цикл. Сначала она решила, что беременна, и эта мысль пугала ее почти так же, как и само случившееся. Она записалась к врачу, чтобы обсудить возможные варианты.

Каждую ночь, засыпая, она снова ощущала его прикосновения: как он сжимает ей грудь, поднимает с травы, как его пальцы оказываются у ее горла. Перед глазами вставало его лицо – тяжелый подбородок, злой взгляд, запах мыла и мятное дыхание. А через час-два ей снилось то же самое. Сначала сны почти точно повторяли произошедшее – будто разум пытался осмыслить случившееся. Потом они изменились: во сне она давала отпор. Она стреляла, била, отталкивала его, избавлялась от него любым способом – и выбрасывала прочь, в реку под мостом на Монро-стрит.

Она снова и снова извинялась перед мужем, убеждая себя, что сама виновата – что выбежала из ресторана и оказалась одна ночью. Эл говорил, что она ни при чем, но замыкался, когда она пыталась рассказать подробности. «Он не понимает, – говорила она матери. – Он дает понять, что не хочет этого слышать. А мне нужно говорить».

Она еще сильнее привязалась к Бекки – не на пользу ребенку, как она поняла позже. Эл возвращался домой и заставлял ее в углу, рыдающую, с годовалым ребенком на руках. «Она мое единственное спасение, – говорила Лоис. – Она милая, невинная, ей я могу доверять». Он качал головой и отворачивался.

Казалось, он стал искать близости чаще, чем прежде. Лоис не понимала почему. Мысль о физической близости с любым мужчиной – даже с мужем – вызывала у нее отвращение. Когда через несколько недель Эл стал настаивать, она испугалась, что он уйдет к одной из своих юных знакомых, и обратилась к психотерапевту. «Он не может понять, что со мной произошло, – объясняла Лоис. – Почему мне нужно время, почему мне больно, почему я злюсь».

Они говорили о ее прошлом. Она призналась, что всегда относилась к близости настороженно. За свою короткую жизнь она пережила выкидыш, насилие, несколько эпизодов принуждения. «Это конец, – сказала она. – Я больше не смогу жить прежней жизнью».

Но терапия помогла. Спустя два месяца она сказала себе: «Наверное, я смогу это выдержать». Она подала знак, легла в постель, сняла ночную рубашку. Эл удивленно повернулся:

– Ты... готова?

– Да, – ответила она.

Сначала все шло спокойно, даже приятно. Но в какой-то момент, взглянув ему в глаза, она снова увидела того человека. Она резко оттолкнула его и выбежала из спальни. Когда он пошел за ней, она схватила Бекки и прижала к себе, словно ставя между ними преграду. В конце концов он оделся и ушел.

Так все и зашло в тупик. Эл искал близости на стороне, а она жила в постоянном страхе, что могла забеременеть после того случая. За день до визита к врачу у нее начался цикл. «Слава богу, – подумала она. – Мне не придется через это проходить. Ни с ним, ни вообще».

4

Наши с Дженнифер отношения, я бы сказал, по крайней мере с моей стороны, были почти как между братом и сестрой...

Фред Коу, 27 декабря 1981 года

[Психопат] не способен на подлинную и устойчивую привязанность – ни к человеку, ни к принципу.

Херви Клекли, «Маска здравомыслия»

Однажды теплым июньским вечером Дженнифер Коу открыла дверь своей маленькой квартиры, чтобы впустить бывшего мужа Фреда. С этой ночи они будут вместе – больше никаких тайных прогулок туда-сюда из квартиры его родителей и притворства, что он с ней не видится.

Позже, лежа на надувном матрасе, он предупредил ее, что его мать может рассердиться, когда обнаружит, что тщательно уложенный комок в его постели – не ее любимый Сын. Дженнифер не требовалось рассказывать о характере бывшей свекрови. Она лишь надеялась, что женщина научится жить с тем фактом, что ее тридцатидвухлетний сын наконец-то перерезал пуповину.

Но перерезал ли? Слушая, как он снова и снова говорил о своей матери и о том, что ему ненавистно «вот так разбивать ей сердце», она спрашивала себя, освободится ли он когда-нибудь. Привязанность к матери зашла слишком глубоко – и она была двусторонней. Она вспомнила сцену четырех- или пятилетней давности, когда они отдыхали в старом доме его родителей на Саут-Хилл. Однажды ночью Рут объявила, что собирается подстричь его доходящие до плеч волосы. Она подошла с ножницами, и Фред вырвал их.

Разъяренная женщина в спешке собрала вещи, посадила в свой новый «Крайслер Империал» годовалого самоеда и заявила, что не останется больше ни на одну ночь под одной крышей с таким непокорным сыном. Она переночевала в мотеле в шестидесяти милях от города, по дороге потеряла щенка, а затем отправилась в Неваду. Через несколько дней, оставив «Крайслер», вернулась домой самолетом. Дженнифер вновь подумала о ее состоянии. За последующие годы ничто не поколебало ее убеждения, что Рут Коу нездорова, а ее отношения с сыном носят болезненный характер.

Что сделает мать утром, когда обнаружит, что Сын исчез? Лежа на матрасе, Дженнифер не видела ничего, кроме грядущих неприятностей. Она слушала, как Фред рассказывал, как он боялся улизнуть. Он сказал, что ненавидит причинять боль родителям, что он многим им обязан – включая несколько крупных кредитов – но он рискнул из-за любви к своей Сладко-голосой Птичке.

Дженнифер уже шесть лет слышала подобные признания. Она пыталась его успокоить, говоря, что Рут со временем привыкнет. «Что ей еще остается?» – говорила она, хотя сама не была в этом уверена.

На следующий день Фред позвонил матери и все рассказал. Рут накричала на него и потребовала назвать адрес. Когда он отказался, она заявила, что больше не считает его своим сыном. Пересказывая разговор, он едва сдерживал слезы.

Вскоре Рут Коу узнала, что Дженнифер работает в Центре по уходу за больными Святого Иосифа – доме престарелых. Ей начали поступать тревожные звонки, иногда в присутствии монахинь. Рут говорила: «Почему бы тебе не исчезнуть из жизни Сына?» Порой она обвиняла Дженнифер в том, что та бросила Фреда, а потом вернулась, чтобы снова его «доставать».

Дженнифер ясно дала понять, что возмущена вторжениями в ее жизнь, и звонки стали анонимны и безмолвны. Она слышала дыхание, но на том конце провода царил молчок.

Она была уверена, что это Рут проверяет ее или Фреда. Пару раз Дженнифер шептала: «Рут, пожалуйста! *Я на работе!*» Звонки продолжались неделями.

5

Продавец автодомов Ди Джей Уильямс взглянул на часы и схватил трубку. Кто мог звонить в полвторого ночи?

– Джей? – Он узнал эту натужную гласную: две четкие музыкальные ноты на инструменте, именуемом гортанью.

– Да, миссис Коу.

– Джей, ты меня *очень* расстроил. Хочешь знать почему? *Ты* позволил этой ужасной женщине вернуться в жизнь Фреда!

– *Я* позволил?

– *Ты* помог ему вернуть ее в Спокан, и *ты* помог им сойтись. *Ты* был посредником, Джей. Голос лишился музыкальности, срываясь на визг.

– *Не лги мне!*

Проблема была в том, что она почти полностью права. Церковный активист Джей Уильямс был ближайшим другом Фреда Коу с начальной школы, где они поклялись в вечной верности. Они вместе играли, вместе работали, вместе дрались, вместе пили пиво и вместе развлекались с женщинами, хотя настолько давно, что Уильямс едва помнил. Несмотря на многочисленные разлуки, нимало не утратили силы их общие лозунги: «*вечная верность*» и «*дух товарищества*», означавшие в понимании Коу взаимную поддержку в любом случае и при любой возможности.

– Джей-ай?

– Да, миссис Коу?

– Просто скажи, что я неправа, – в ее голосе зазвучали властные нотки. – *Не можешь?* Я так и знала.

Уильямс не знал, что думать. Видимо, Фред все рассказал матери. Интересно почему. Наконец он произнес:

– Миссис Коу, поговорите об этом с Фредом, ладно? Я сделал то, о чем он меня попросил.

Рут Коу звонила не впервые, но впервые после полуночи и впервые с тех пор, как Фред вернулся к Дженнифер. Уильямс пожалел, что вообще ввязался в это дело. Он не был поклонником Дженнифер Коу – ему не нравилось, как она то восторгалась Фредом, то другими своими бывшими. И он испытывал неловкость из-за смутных обвинений, периодически выдвигаемых ею против Фреда, и из-за явного недостатка у нее цельности личности. О грешках Коу ему напоминать не требовалось – во многих из них он сам соучаствовал.

Бывший боксер, обладатель титула «Золотые перчатки», ветеран морской пехоты времен Вьетнама, Уильямс стал убежденным адвентистом седьмого дня и старейшиной своей церкви в Спокан-Вэлли. Он не был фанатичен, но вера его была безусловной. Для него существовала разница между «просто верующими» и «настоящими христианами», а настоящие, как он считал, умеют прощать. Он вспоминал слова из Второго послания к коринфянам: «А кого вы в чем прощаете, того и я».

При этом, вне религии, он искренне восхищался Фредом. Тот казался ему умным, остроумным, изобретательным, полным идей – непризнанным гением. На протяжении всей их дружбы Уильямс был уверен: однажды Коу станет одним из богатейших людей в мире. Пока он не видел причин в этом сомневаться, несмотря на медленный старт. Дружба с Фредом, несмотря на его атеизм, оставалась для него краеугольной. Таких друзей не бросают из-за странностей. Преданность друзьям он ставил сразу после преданности Богу. Жена иногда говорила, что Коу этим злоупотребляет, но Джей лишь отвечал, что она не понимает.

Поэтому он согласился помогать Фреду и Дженнифер встречаться и обмениваться сообщениями. Это было нелегко, ведь Фред жил в родительской квартире, а Рут была готова

отречься от единственного сына, если тот хотя бы взглянет на Дженнифер. Но во имя священной дружбы Уильямс согласился.

Спустя пару дней после того ночного звонка Рут Коу позвонила ему на работу. Теперь миссис Коу опять излучала дружелюбие.

– Джейсон, я ищу Фреда, – проворковала она. – Я потеряла его адрес.

Уильямс понял, что она пытается его обмануть. Ее визит – последнее, чего сейчас хотят Фред и Дженнифер, и она в курсе. Они даже машину свою прячут.

– Мне жаль, миссис Коу, – сказал он. – Ничем не могу вам помочь.

Звонки продолжались несколько дней. Рут Коу знала, насколько друзья близки, и что Уильямс лгать не будет. Она пыталась вытянуть из него адрес лестью, а когда не вышло, пригрозила ему. Он в отчаянии обратился к Фреду.

– Послушай, я не собираюсь лгать твоей матери. Поэтому не рассказывай мне о себе и Дженнифер больше, чем нужно. Я не хочу знать, где ты живешь – ничего лишнего.

Фред только посмеивался над его принципиальностью.

– Слова – это инструменты, – терпеливо объяснял он. – И если ложь служит хорошей цели, она не просто допустима, а оправданна.

Этот подход он называл «ситуативной этикой» и говорил, что заимствовал его у писательницы, русской эмигрантки Айн Рэнд.

Фред пообещал держать друга в неведении – по крайней мере до тех пор, пока Рут не успокоится. Пока же все должно было строиться по принципу «минимальной осведомленности». Джей надеялся, что ненадолго.

6

Дженнифер видела, что Фред все еще боится реакции матери. Он объезжал кварталами, лишь бы не приближаться к родительскому кондоминиуму, и все чаще говорил о переезде – один квартал не казался ему надежной дистанцией. Но переезд требовал денег, а у них их не было: только ее скромная зарплата. Оставалось ждать. Рут славилась резкими перепадами настроения – «быстрой сменой состояний», как выражался ее муж Гордон.

Обычно Фред оставлял свой «Катласс» 1977 года в нескольких кварталах, чтобы мать не заметила. Но однажды вечером, спустя несколько недель после переезда к Джени, он припарковал машину прямо за домом. Ночью ее разгромили: выбили стекла, разбили фары, помяли и исцарапали кузов, разорвали обивку. Страховая выплатила 1500 долларов на ремонт.

Через две недели «Катласс» повредили снова. На этот раз особое внимание привлек желтый номерной знак «DISCO». Следователь страховой компании отметил, что часть повреждений, по всей видимости, нанесена каблуком-шпилькой. Фред велел Дженнифер молчать и заявил, что не имеет ни малейшего представления, кто это сделал. Страховая компания снова выплатила компенсацию.

Позже Дженнифер спросила:

– Что твоя мать пытается доказать?

– Гордон сказал, что она снова ходит к своему врачу, – ответил Фред. – И что она... не в себе.

– Так сказал твой отец?

Это не было похоже на Гордона Коу.

– Из-за чего она... не в себе?

Фред промолчал. Сложные вопросы он предпочитал обходить. Она знала: настаивать бесполезно.

Вскоре они переехали в небольшую квартиру в паре кварталов от торгового центра «Линкольн-Хайтс» – все еще в Саут-Хилл, но уже в трех милях от Рут и ее шпилек. При желании она могла найти их и там – рядом находился ее любимый сувенирный магазин, – но теперь это было уже не так просто.

* * *

Джея Уильямса встревожил рассказ Фреда о войне с «Катлассом». Семью он знал с 1953 года и всегда считал мать Фреда милой помесью Тетушки Мэйм³ и Зельды Фицджеральд⁴. До него доходило, как ее критиковали за разнаряженность, за то, что ее породистые колли срывались с поводка, за меха, бриллианты и жемчуга с виноградину, но яркость он грехом не считал. К друзьям Фреда она всегда была добра и лояльна, порой даже чрезмерно.

Но разбить машину! Столь отвратительного поведения продавец автодомов не понимал.

Он подумал о Дженнифер и Фреде. При всей к ним снисходительности, вместе они смотрелись не естественнее, чем когда поженились шесть лет назад и Дженнифер еще заглядывала Фреду в глаза и звала его Коко, а Фред все так же подбирал ей гардероб и заставлял менять стиль. Как-то раз, переодев на свой вкус, он провел ее по гостиной Уильямсов, точно выставочную собачку.

³ Тетушка Мэйм – героиня одноименного романа Патрика Денниса, эксцентричная и экстравагантная светская дама, ставшая символом богемной, демонстративно свободной жизни.

⁴ Зельда Фицджеральд – американская писательница и художница (1900–1948), жена Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, одна из самых ярких и импульсивных фигур эпохи джаза.

– Дженнифер, повернись! Покажи Сью и Джею, насколько сильно ты похудела. Прдемонстрируй, как этот жакет можно носить вечером.

Двигалась Дженнифер – в прошлом модель магазина «Кресент» – действительно грациозно, и Джей, чувствуя неловкость, сказал:

– Да, Дженни, ты прекрасно выглядишь.

– Тебе нравится ее прическа?

– Да, Фред. Очень хорошо.

Сью Уильямс, сама женщина яркая и привлекательная, такие домашние «показы» терпеть не могла. Обычно она находила повод уйти до того, как Коу собирались домой. Она сказала Джею, что ничуть не удивлена истории с «Катлассом». Напомнила, как они вместе наблюдали за Дженнифер и Рут в короткий период их мнимой дружбы.

– Джей, помнишь, как они обе все доводят до крайности? Если ты им нравишься – они в восторге. Если нет – готовы тебя уничтожить. Помнишь тот вечер, когда они пытались перещеголять друг друга в комплиментах? Со стороны это выглядело так, будто они друг друга терпеть не могут.

Джей спросил:

– Но зачем Рут разбила его машину?

– Джей, это просто игра. «Обиженная возлюбленная». Ты понимаешь, как она себя ведет? Как соперница.

Он сказал, что ему нужно это обдумать.

7

Был у меня в Чикаго агент. Он считал, что я следующий Хемингуэй, следующий Шекспир... следующий... следующий... Вы не представляете!

А потом – на самом пике моей карьеры – этот еврейский засранец умер. Мелкий пархатый вафлеглот, шуда, ублюдок.

Фред Коу, 30 января 1973 года

Дженнифер Коу металась по квартире, пытаясь понять, куда пропал муж. Десять часов, а он обещал вернуться к семи и пригласить ее на ужин.

Она не могла поверить, что все снова разваливается так быстро. Всего четыре месяца они прожили вместе, а его поведение уже сводило ее с ума. Потрепанный «Катласс» он сменил на новенький, с кондиционером, «Понтиак» – огромный, как корабль.

– Зачем нам такая машина? – спрашивала она. – Нам даже за квартиру платить нечем.

Его планы открыть в Спокане дискотеку, как обычно, оставались туманными. Его новый роман опять не приняли. Из чего платить за аренду машины?

Он, как всегда, уговаривал ее не волноваться.

– Пупсик, я о тебе позабочусь. Тебе не о чем беспокоиться.

Эту фразу она слышала уже сотни раз. Он утверждал, что для деловых контактов ему нужен солидный имидж, а что может быть солиднее нового «Гран-при»? Какие именно «контакты» он имел в виду, она не знала. Потенциальные партнеры по дискотеке уже перестали отвечать на его звонки – скорее всего, их отпугивала его манера разговора. Он неизменно представлялся как «мистер Коу»:

– Да, говорит мистер Коу. С кем я разговариваю?

Он словно не улавливал той непринужденной фамильярности, которая принята в американском бизнесе – легкой, с шутками, скрывающими напряжение. Однажды она услышала, как он наставляет своего литературного агента:

– С евреями, – объяснял он, – нужно вести себя напористее.

Слыша его телефонные разговоры, она словно прибавляла в росте.

– Алло, Линдеман? Говорит Ф. Х. Коэн. Ты уже прочел мою рукопись? Нет? *Ну так прочти!*

Рукопись снова возвращали, и «Коэн» снова становился Коу.

Джей Уильямс, друг детства Фреда, шутил, что у него есть теория:

– Фред – это инопланетянин, который учится изображать человека.

И иногда Дженнифер была готова в это поверить.

– Этот проклятый «Гран-при», – ворчала она, расхаживая по квартире. – Каждый круг – минус еще галлон бензина.

Сейчас он где-то на этой машине. Скорее всего, ни о каком ужине речи и не было. Откуда у него деньги? «С отцовской карты», – догадалась она. Обычно он так и платил. И по-прежнему ни слуху ни духу от Рут.

Дженнифер пыталась представить, сколько еще они будут жить в этом напряжении, ожидая, что мать Фреда их настигнет – и что тогда? Она сердито тряхнула головой. Невероятно, что человек способен создавать столько проблем *даже* на расстоянии.

Она посмотрела на часы. Уже больше чем на три часа опаздывает. Она позвонила в одно из мест, куда он собирался заехать. Мужской голос ответил, что человека с такой фамилией здесь нет, и она уверена, что не ошиблась номером?

«Господи, – подумала она, – это опять Вегас. Неужели все снова пойдет наперекосяк?»

Ее уверенность в себе исчезла, даже собственного стиля у нее больше не осталось – он все время пытался ее переделать. Несколько лет назад он купил ей афропарик, и она носила его, пока сестра Соня, когда-то работавшая в модной индустрии, не сказала прямо:

– Дженни, ты выглядишь ужасно.

Потом он решил, что она должна стать блондинкой – она осветлила волосы. Через пару недель он передумал и выбрал темно-каштановый. Почему он был недоволен ее внешностью – или своей собственной? Он постоянно менялся: то брился и принимал душ дважды в день, то мог не мыться по несколько суток. Усы и бакенбарды то появлялись, то исчезали. То он худел до изнеможения, то резко набирал вес.

Когда он не сидел на жесткой диете из стейков, кукурузы и воды «Перье», он срывался на дешевую еду. Эти периоды он называл «затоплением» – якобы проверкой возможностей организма. Дженнифер понимала, что это просто хаос, прикрытый словами. Он всегда находил объяснение любому своему поступку. Даже падая с крыши собора Святого Иоанна, он, прежде чем разбиться, объяснил бы, что все идет по плану.

И где он? Уже половина одиннадцатого. Она начала волноваться. Он уже не раз опаздывал на часы после их примирения – и это приводило к ссорам. Знай об этом его мать, разве она не порадовалась бы?

Дженнифер прошла в гостиную и взяла лист его новой фирменной бумаги: «Спокан Метро Гроув. Активисты за больший и лучший Спокан». Теперь он писал письма в газету «Споксмен-ревью» на фирменных бланках и подписывался «Экс Дрю Батлер» – псевдонимом, вдохновленным героиней Ксавьерой Холландер и Реттом Батлером из «Унесенных ветром».

Практичной Дженнифер все это казалось плохой заменой настоящей работы.

Он также решил заняться недвижимостью и начал скупать деловую одежду: четыре костюма, двадцать пять рубашек, несколько пар обуви, дюжину галстуков. Работать он не собирався, пока не соберет «правильный» гардероб.

– Фред, просто начни работать, – просила она. – Продай дом. Одежду купишь потом.

Бесполезно. Он уже видел себя успешным риелтором, разъезжающим по городу в серебрястом «Гран-при». Люди, по его словам, сами потянутся – просто потому что он выглядит как воплощенный успех.

Он ссылался на книги по бизнесу и психологии влияния, уверяя, что все понял. Дженнифер сомневалась, что он дочитал хотя бы одну – скорее, он хватал идеи из обложек, статей и рекламы.

Она понимала, откуда у него новый интерес к одежде: Джей Уильямс, всегда выглядевший безупречно, показал ему книгу о деловом стиле, и Фред заиклился на костюмах-тройках и шелковых рубашках. Гардероб стоил больше двух тысяч долларов, и он оплачивал его кредитными картами, оформленными на разные варианты своего имени. Исчерпав лимит, он подавал заявку на новую карту. Кредит получить было несложно, если твой отец – главный редактор «Кроникл», а поручители – уважаемые люди вроде Джея Уильямса.

Но что будет, когда придут счета?

«Какой бардак. Какой хаос. Какая безответственность», – подумала она.

И пожалела, что не выпила.

8

*Меня возмущает, когда меня называют «консервативным»...
«Консервативным» считайте Спокан – но уж точно не меня.*

*Я ношу дорогую, стильную одежду... и, как человек
коммуникабельный, скорее подхожу под определение «яркий».*

Фред Коу, 15 января 1982 года

Дружелюбный персонал агентства недвижимости Джеймса С. Блэка не мог поверить своей удаче, когда в октябре 1978 года в их офис словно со страниц журнала сошел молодой человек. Рынок недвижимости в Спокане еще рос, и появление Фредерика Харлана Коу никого не раздражало – даже в многочисленном коллективе, где особенно внимательно относились к конкуренции.

– Боже мой, он самый хорошо одетый молодой человек, которого я когда-либо видела! – сказала одна из сотрудниц.

– И как он за собой следит. Я бы многое отдала за такие волосы – это ведь не просто стрижка, это укладка. Наверное, стоит целое состояние... – вздохнула она. – И время на это нужно.

Другая сотрудница поинтересовалась его возрастом – вопрос волновал многих. На вид ему было чуть за двадцать, но в глазах читалось что-то более зрелое. Его реакция удивила.

– Он повел себя так, будто это страшная тайна, – рассказывала она позже. – У меня есть только одна знакомая, которая так же скрывает свой возраст, и ей восемьдесят семь.

Через несколько недель менеджер, неутомимый бородатый Джим Кори, заметил, что карьера Коу развивается именно так, как и ожидалось, – вяло. Новичкам следовало сначала вести себя тихо и не привлекать лишнего внимания. Казалось, Коу это понимал. Он работал неполный день, параллельно занимаясь своим проектом с дискотеккой и переговорами с «Шератоном». На собеседовании он честно предупредил, что на это может уйти еще полгода.

Эта откровенность Кори даже понравилась. К тому же владелец фирмы, Джеймс С. Блэк, заранее сказал, что к ним придет сын его друга Гордона Коу, и если он производит приличное впечатление, стоит дать ему шанс. Сам Фред представился Блэку длинным письмом, в котором называл компанию «лучшей в городе».

Шли недели, но Коу, за исключением редких всплесков активности, казалось, большую часть времени проводил, уставившись в пространство. Однажды, беседуя с опытным риелтором Мэри Джо Мэйси, он, похвалив ее наряд, заявил:

– Я стану величайшим продавцом недвижимости в Спокане. Просто посмотрите на меня. Я имею в виду – *величайшим*.

Миссис Мэйси, женщина жизнерадостная, едва сдержала смех. Ей хотелось сказать ему, чтобы он меньше говорил и больше работал, но она решила не портить ему настроение.

Вскоре он подошел к ее столу, улыбаясь:

– Вы заняты?

– Нет, – солгала она.

Он задал вопрос о тонкостях заключения сделок – тех деталях, которые не объясняют на кратких курсах. Она старалась ответить, но вскоре поняла, что он ее почти не слушает. На середине объяснения он перебил: «Спасибо» – и ушел.

Откинувшись в кресле, она попыталась вспомнить, где уже видела его. Какое-то мероприятие – обед или благотворительный вечер. Дом на Саут-Хилл. Там была женщина с темными волосами и ногтями цвета лаванды. А в кресле сидел молодой человек – угрюмый, с длинными волосами, скошенным взглядом, одетый вызывающе: расстегнутая почти до пояса

шелковая рубашка, узкие брюки, яркие ботильоны, фиолетового или сливового цвета. Тогда она еще подумала: «Почему он даже не встанет поздороваться?» Он напоминал наркомана или пьяницу, и ей очень не хотелось бы, чтобы ее дети производили такое впечатление.

Теперь она вспомнила: фамилия женщины – Коу, а сына, кажется, звали Фред. Почему она не догадалась раньше? Сейчас он выглядел совсем иначе – дружелюбный, обаятельный, общительный. По крайней мере, до этого странного эпизода.

Миссис Мэйси занималась благотворительной работой в психиатрических отделениях. Сидя за столом, она пыталась разобраться в своих ощущениях, но отогнала резкие выводы. Делать такие заключения без оснований она не считала правильным.

И все же ей пришла в голову тревожная мысль: а настоящего ли Фреда Коу она видит – и существует ли вообще «настоящий» Фред.

9

Психопат не оценивает ситуацию в перспективе будущего – он просто бросается вперед. Ему быстрее становится скучно, чем обычному человеку, и чтобы почувствовать что-то, он вынужден постоянно обострять ситуацию – иногда до тех пор, пока не оказывается под арестом.

Томас П. Детре, доктор медицины, профессор психиатрии Йельского университета

Кажется, они живут только сегодняшним днем.

Карл Меннингер, доктор медицины

Поздно вечером 26 ноября 1978 года, через шесть недель после того, как Фред Коу начал работать в недвижимости, и через семь месяцев после нападения на Лоис Хиггинс, по улице неподалеку от полицейского управления шла молодая женщина. С реки Спокан тянуло холодом, листья шуршали под ногами. К ней приблизился мужчина. Она не насторожилась – Вест-Бродвей была оживленной улицей.

Мужчина был высокий, худощавый, в темной кожаной куртке и белых брюках. Подойдя вплотную, он резко схватил ее за грудь.

Она отшатнулась и закричала:

– Я вызову полицию!

Подъехала машина, и мужчина убежал. Свидетели видели, как он запрыгнул в серебристо-серый «Понтиак Гран-при».

Они проследили за ним до пиццерии «Сэвидж Хаус», расположенной неподалеку от места нападения на Хиггинс, и вызвали полицию. К моменту прибытия патруля молодой человек исчез. Однако свидетели запомнили номерной знак – «DISCO», а также дали описание: рост около 190 см, вес около 84 кг, выющиеся волосы средней длины.

Дело передали опытному детективу убийного отдела Биллу Биману. За годы службы он расследовал почти сотню убийств и не испытывал особого энтузиазма, занимаясь делом о незначительном правонарушении. Впрочем, такие дела решались проще: достаточно было пробить номерной знак через базу и установить владельца автомобиля.

Выяснилось, что «Гран-при» оформлен на Фреда Коу, почтовый ящик 421, Эйрвей-Хайтс, штат Вашингтон. На следующий день, когда открылось почтовое отделение, Биман проверил ящик: он был зарегистрирован на организацию «Спокан Метро Гроув».

В базе Бюро по делам несовершеннолетних он нашел старую карточку: «Фредерик Харлан Коу, 1015 В. 29-я, дата рождения 2–2–47». Адрес располагался в благополучном районе Саут-Хилл. Значит, сейчас Коу был тридцать один год. Свидетели описывали его моложе, а характер происшествия больше соответствовал импульсивному поведению подростка, возможно, в состоянии опьянения.

В карточке значилось четыре записи. Первая: «Упомянут в протоколе о порче имущества в бассейне, 21.08.63». Тогда ему было шестнадцать – очевидно, подростковая выходка, без последствий.

Вторая запись: «Половое сношение, 07.06.65». Коу было восемнадцать, вероятно, он еще учился в школе. Формулировка могла означать многое и не обязательно указывала на серьезное преступление. Обвинение не предъявлялось.

Третья запись: «Возможное нападение, 01.05.66». Подробностей не было, обвинение также не предъявлено.

Четвертая: «Непристойное поведение и незаконное проникновение, 28.05.71». В этот раз обвинение предъявили, но затем сняли.

В отдельной папке Биман обнаружил протокол 1977 года. Стюардесса показала, что Коу заглянул через перегородку женского туалета ресторана «Випс» и сделал ей грубое, непристойное замечание.

Решения по делу не было – вероятно, его, как и другие, закрыли.

Однако продолжить расследование Биману не удалось: его срочно переключили на тяжкое преступление. Когда он вернулся к делу, ни подозреваемого, ни потерпевшую найти уже не удалось. Затем последовало новое убийство, потом еще одно дело. Он собирался уточнить в прокуратуре, почему ни одно из обвинений против Коу не дошло до суда, но времени не хватало. При отсутствии судимостей наказание в любом случае было бы минимальным.

В итоге дело было помечено как «приостановлено» и отправлено в архив.

Тем временем полицейское управление Спокана насчитывало около 250 сотрудников – на душу населения вдвое меньше, чем в среднем по стране. Раньше этого хватало, но в последние годы нагрузка стала чрезмерной.

– Бизнесмены любят говорить, что нам не нужно больше полиции, потому что у нас нет серьезной преступности, – объяснял отставной детектив. – Это удобно: помогает сохранять имидж благополучного города.

Нехватка кадров была такой, что дорожные происшествия часто игнорировались. Водители разбирались между собой прямо на месте, а полицейские проезжали мимо. Медленная реакция полиции постоянно обсуждалась в радиопередачах. Многие в экстренных случаях обращались в пожарную службу.

Позже один из детективов сказал:

– А что Биман должен был сделать с этим делом? Мы *постоянно* вынуждены откладывать расследования. Это наша повседневность.

Фред Коу тем временем оставался на свободе и мог продолжать свои действия.

10

Джини Перхэм – милая, очень чувствительная, нестабильная женщина. Яркая, артистичная. Интересна как человек, но в романтическом плане – мало или вовсе никак.

Фред Коу, 29 марта 1982 года

Новичок, вошедший в прачечную, почти не привлек внимания Джини Перхэм. Она была занята: считала сдачу, следила за машинами химчистки и за тем, чтобы никто не лез без очереди. В «Манито Хайлэндер», в районе Саут-Хилл, подобная суета случалась редко, но под конец декабря жители приводили в порядок одежду к праздникам.

Вскоре мужчина подошел к кассе и спросил:

– Как тебе такая погода?

О погоде Джини не задумывалась. В Спокане стоял привычный зимний туман, перемежающийся с пронизывающим холодом. Она едва улыбнулась и ответила наперекор:

– Мне нравится.

– А мне – нет, – сказал он. – Я из Лас-Вегаса. Вообще-то из Лос-Анджелеса. Солнце, пальмы – знаешь?

Она знала. Дочь отставного офицера авиабазы Фэрчайлд, Вирджиния Кей Перхэм много где побывала. Но ни одно место не променяла бы на Спокан. Ее семья принадлежала к старожилам: один предок возглавлял местное отделение «Стандард ойл», другой был первым методистским священником на Северо-Западе.

Вернувшись в двадцать шесть лет домой, Джини чувствовала себя на своем месте. У нее было множество друзей. Еще в школе ее называли «одной из самых замечательных девушек в округе». Она служила медиком в армии, немного увлекалась религией, работала в Испании, помогала на фермах, но везде продолжала играть в теннис, ездить верхом и встречаться с мужчинами, которые относились к ней серьезнее, чем она к ним. И всегда возвращалась в Спокан. Здесь жили два ее брата и разведенные родители. Мать из-за депрессии и галлюцинаций трижды помещали в психиатрическую лечебницу, и Джини в перерывах между изучением в соседнем колледже искусства, писательства и философии и ночной работой в прачечной, помогала за ней ухаживать.

Мужчина, стоявший перед ней, был от этого мира далек. Он представился Коко, даже не спросив ее имени. У него были светло-каштановые волосы почти до плеч, велюровая рубашка с расстегнутым воротом. Жесты его казались странными – не всегда совпадали со словами. Он снова пожаловался на погоду.

– Если тебе так нравится Лос-Анджелес, – спросила она, – что ты здесь делаешь?

Она не хотела задеть его, но он вдруг замолчал и уставился на нее. В его глазах, серых, почти безжизненных, не читалось ни раздражения, ни эмоций. Ей это напомнило четырехлетнего ребенка, который игнорирует неудобный вопрос.

Он перешел на тему споканских женщин, заявив, что те чопорны, отстали и встречаться с ними – мука. Он сказал, что дома, в Лос-Анджелесе и Вегасе, женщины к свиданиям и сексу относятся спокойно. Казалось, его расстраивало, что он застрял в подобной дыре.

Слушать его у нее не было времени. Через пару минут он уже жаловался кому-то в очереди – на женщин и на погоду.

* * *

Через несколько месяцев ненавистник Спокана вернулся. Теперь волосы были коротко подстрижены. В руках – корзина с бельем. И столько полотенец, что она подумала, не тренер ли он детской команды.

– Помнишь меня?

– Э-э... да.

– Я Кевин, – сказал он.

Кевин? В прошлый раз он назывался иначе. Ах да – Коко.

– Кевин Коу, – уточнил он. – Коко – это прозвище.

Теперь он вел себя иначе – дружелюбно, легко. Рассказал, что работал диджеем под псевдонимом Марк Митчелл. «Как много у тебя имен», – подумала она.

Он подошел к одной из стиральных машин, и она обратила внимание на развязность его походки, показавшуюся неестественной. Когда он вернулся к стойке, она заметила, что правая бровь у него поднята выше левой, и справа от глаза шрам.

– Моя жена, – сказал он, держа в руках пару нейлоновых чулок. Он объяснил, что живет с бывшей женой, намекнув, что у них проблемы. «Хм, – подумала Джини. – Еще один непонятый муж».

Слыхала она почти все возможные подкаты и одиноких, и женатых. Она была в расцвете сил, темно-рыжие высоко уложенные волосы, серо-зеленые зимой, а с листвой на деревьях становившиеся светло-изумрудными глаза («летние зеленые глаза» по выражению матери). Цвет лица у нее был светло-оливковый, а фигура женственная и ладная, отточенная тысячами часов теннисных кортов и верховой езды. В Испании ее принимали за Аву Гарднер. В ее жизни было всего два любовника, но десятки бойфрендов. Когда-то ей хотелось стать погонщицей скота, потом врачом или медсестрой, а сейчас она думала о замужестве и материнстве. Что исключало несчастливую в браке молодого человека Коу с раскосыми глазами, аккуратной стопкой грязной одежды и стихом болтовни.

Послушать она была не прочь. В новом приподнятом настроении он без умолку болтал о жене, казалось, его заботившей, – о том, что на самом деле женщина она очень милая, но у нее, э-э, проблемы с алкоголем. Сам он не пил – слишком высоко ценил свое тело, чтобы так над ним издеваться. При этих словах он вынул какие-то нейлоновые предметы женского нижнего белья и положил их в стиральную машину. Джини едва не рассмеялась – бедняжка казался подкаблучником. По его речам она заключила, что доминирует жена. Ладно, пусть выпустит пар. В прачечной никому нет дела.

«Кевин» стал являться дважды в неделю, всякий раз завязывая разговор. Слушать она умела всегда и не могла не признать, что он начинал ей нравиться – мягкий и жизнерадостный, он больше никогда не был таким властным, как во время первого визита. Иногда он употреблял необычно длинные или понятные лишь немногим слова. Он становился мягче, живее, старался произвести впечатление, вставлял сложные слова. Она воспринимала это как знак внимания.

Иногда он приходил неухоженным, с отросшей бородой и в спортивном костюме, иногда – напротив, говорил, что важно, чтобы она увидела его «в правильном виде – в костюмах, рубашках, туфлях».

Она удивилась, почему ему это важно. Спустя несколько дней ей передали, что он пришел весь разодетый и сожалел, что ее не было.

* * *

Весной 1979 года он продолжал все больше и больше рассказывать о себе. Принес книгу в мягкой обложке под названием «Секс в Белом доме» и сказал, что причастен к ее написанию. Она поняла, что произведение переполнено туалетным юмором и сексуальными извращениями, но решила его не осуждать. Ее взгляд упал на эпиграф:

Незрячий к морю подошел, чтоб понять, что сможет там он увидеть...
Но на пляже на пустую из-под пива наступил он банку и порезал палец!

Она догадалась, что именно это эксперты называют ироничным юмором. Взглянув на страницу, она увидела, что авторские права принадлежат «Ф. Х. Коу». Она спросила, кто это.

Он замялся.

– Ну, Ф. Х. – это парень, с которым я это написал, а Коу – это я.

Она подумала, что это странный способ зарегистрировать авторские права на книгу, но о подробностях расспрашивать не стала.

Через месяц или два у Джини сложилось впечатление, что дела у него в недвижимости идут успешно, и она даже задумалась, не заняться ли этим самой. Кевин стал приходить в прачечную в костюмах-тройках европейского покроя – выглядел как модель с обложки «Пари матч» или «Вог». Он явно получал удовольствие от ее комплиментов.

– У тебя прекрасный вкус, Джини, – говорил он. – Не все в Спокане ценят изящество.

Он рассказывал, как усердно работает, и показал ей распечатанное расписание: день был разбит на пятнадцатиминутные отрезки, начиная с 5:30 утра – зарядка, затем душ, два блока завтрака. До пяти – работа, потом короткая тренировка, полчаса ужина и снова работа. В десять – строго сон. Джини невольно думала, зачем ему такая жесткая система. Неужели его жизнь настолько расплзлась, что ее приходилось так стягивать? При этом в быту он казался полностью собранным – контролировал все, вплоть до малейшего движения лица.

Он часто говорил о бывшей жене, Дженнифер. По его словам, брак начал разваливаться в Лас-Вегасе – из-за постоянных ссор, из-за женщин, которые крутились вокруг него, когда он работал диджеем. Однажды, как он утверждал, она даже бросилась на него с ножом. Они переехали в Санта-Монику, пытаясь сохранить отношения, но к тому времени Дженни уже сильно пила и встречалась с другими мужчинами, и он решил развестись. Вернувшись в Спокан, он, по его словам, узнал, что она окончательно опустилась – «алкоголичка, болтающаяся по Южной Калифорнии», – и из жалости с помощью своего друга Джея Уильямса устроил ее возвращение домой.

Джини слушала, как он рассказывает, как его мать радовалась разводу и как пришла в ярость, когда они снова сошлись. По его словам, мать только недавно начала с ним разговаривать после долгого молчания. Он утверждал, что не любил жену, но чувствовал ответственность. Она – алкоголичка, и, по его мнению, изначально не должна была с ним связываться.

– Ни одна женщина не должна.

– Почему? – спросила Джини, уже с интересом.

– Это мой образ жизни. Я такой человек.

Ей стало любопытно, что за этим стоит. Он начал казаться ей симпатичным – немного зависимым, немного заикливым, но явно незаурядным. Когда он пожаловался на проблемы с деньгами, она сама предложила ему занять. Через несколько дней он попросил триста долларов. Это было больше, чем она рассчитывала, но она решила, что это пойдет ему на пользу.

Вскоре после этого он сказал, что будет появляться реже – собирается сосредоточиться на недвижимости, а стиркой займется жена. Когда он ушел, Джини неожиданно почувствовала пустоту. Она подозревала, что ее чувства вышли за рамки дружбы.

11

Дженнифер Коу плюхнулась в мягкое кресло и через всю комнату уставилась на мужа. После нескольких месяцев разъездов по городу на своем серебристо-сером «Понтиаке Гран-при» он не продал ни квадратного дюйма недвижимости, а теперь захотел взять в аренду новый «Олдсмобиль».

– Что не так с «Гран-при»? – спросила она.

– Ничего, ерунда, – сказал он, возбужденно шагая по комнате. – Я буду ездить на новой машине, а ты можешь взять «Гран-при».

– У нас будет две машины?

– Нам *необходимы* две машины! Я стану крупнейшим риелтором в Спокане! Слушай, у меня есть планы, идеи...

Его голос жужжал на заднем плане, пока она размышляла об их финансовом положении. С работы в Центре по уходу за больными Св. Иосифа ей пришлось уволиться – ее начали преследовать сборщики по кредитным картам, а монахинь беспокоили частые звонки Рут Коу. Другую работу Дженнифер так и не нашла, и они месяцами не платили по счетам.

– Пупсик, больше никаких поездок на старых грязных автобусах! – говорил Фред. Он описывал выбранную машину:

– Новенький «Торонадо», белоснежный, с кондиционером...

– Стоимость аренды?

– ...Кассетный магнитофон, кондиционер, колонки по всему периметру, красные кожаные сиденья, подсветка салона, электрические стеклоподъемники.

– *Какой ежемесячный платеж?*

– Ой, не знаю. Двести восемьдесят, триста.

– Фред, мы разорены!

– Это вопрос перспективы, – произнес он и пустился в длинное объяснение.

Слушать она перестала на слове «эпистемологический», одном из его любимых. Что оно значит, она не знала – и сомневалась, что знает он. Она не перебивала его до конца этой зажимательной речи. Спорить с ним бесполезно: он все равно сделает по-своему, а потом заставит ее согласиться своим «превосходящим» интеллектом.

Вскоре она услышала стук его пишущей машинки. На мгновение он стих – Фред громко выругался из-за ошибки и вставил новый лист. Через некоторое время он показал ей свою последнюю работу: письмо на бланке «Спокан Метро Гроув», подписанное «Экс. Дрю Батлер», с советами мэру Эйрвей-Хайтс готовиться к масштабному росту города. Ей хотелось спросить, какое это имеет отношение к заработку, но она промолчала.

Когда весна сменилась жаркими сухими днями типичного споканского лета, Дженнифер чувствовала себя все более подавленной и оторванной от реальности. Еще в Лас-Вегасе она обращалась в психиатрическую клинику из-за депрессии, и врач тогда сказал ей: «Найдите себе занятие». Не нашла она его ни тогда, ни сейчас. Жизнь с Фредом Коу была работой на полную ставку. Все силы уходили на попытки его понять, и сейчас она была к этому не ближе, чем до развода в 1976 году.

Она отправилась искать работу на «Гран-при», но бензин был на исходе, а кредитную карту им аннулировали. Она коротала время, отбивая мячи для гольфа в ведро, и вдруг заметила, что звук удара будто исчез. Она заходила в бинго-клуб и даже не покупала карточку. Часами сидела у постели сестры Сони – удивительно терпеливой женщины с ревматоидным артритом, – и еще чаще навещала мать, эмоциональную опору всей семьи. Дженнифер любила и доверяла им больше, чем кому-либо, но не могла смириться с тем, что ее брак снова трещит.

Иногда она просто шла пешком три мили до дома родителей и обратно – лишь бы занять себя. Однажды она зашла в бар.

12

Первую годовщину нападения Лоис Хиггинс провела, размышляя, как дальше жить. Да, у нее была Бекки – милая Бекки, ей почти два года, любимый, прелестный ребенок, – но в остальном жизнь казалась пустой и лишенной смысла.

Усилием воли она позволяла мужу близость по вечерам – раз в месяц или около того. Если он дотрагивался до ее плеч – чувствительной области, за которую хватался нападавший, – у нее начинался спазм удушья, иногда переходивший в приступ астмы, так что она сомневалась, сможет ли сделать следующий вдох. Глаза Эла напоминали ей глаза того человека – в этом и была проблема.

Она думала, что это за жестокая насмешка судьбы. Неужели нельзя было хоть чем-то отличить одно лицо от другого? Она читала о психологических последствиях войны и была уверена, что у нее что-то похожее на посттравматическое состояние.

Стоило Элу взглянуть на ее плечи, как она хватала Бекки и прижимала к себе. Ничто другое не могло ее успокоить.

Близость не приносила ей радости. Проще было почитать книгу и съесть яблоко. Она говорила себе, что ни один человек с чувством собственного достоинства не должен жить в таком постоянном напряжении.

Она вспоминала свою первую попытку уйти из жизни – горсть таблеток, после которых она осталась жива. На этот раз, думала она, нужно все продумать иначе. Она отвезет Бекки к матери, поцелует их обеих на прощание, а потом вернется домой и сделает так, чтобы все наконец закончилось.

13

Я обожаю женщин... и они обожают меня. Мне повезло – женщины всегда были ко мне очень привязаны. Над этим даже шутили родные.

Фред Коу, 5 апреля 1982 года

Джини Перхэм подняла глаза от стойки прачечной и увидела знакомое лицо. Прошло всего два или три дня с тех пор, как Кевин Коу объявил, что стирать теперь будет его бывшая жена, – и вот он снова здесь, с полной корзиной: грязная одежда, как обычно, аккуратно сложена. Она удивилась:

– Я думала, ты мне сказал...

– Проспорил, – смущенно усмехнувшись и показав ровные белые зубы, ответил он.

Джини была рада. Он сел и продолжил с того места, на котором остановился: говорил о Дженнифер, о том, как пытался ей помочь, и, конечно, между ними не было и никогда не будет ничего физического. Печально об этом говорить, но бедная женщина сильно пила. Когда он уходил, Джини коснулась его руки. Он казался таким измученным.

Она часто о нем думала. В этом человеке она видела какую-то фундаментальную порядочность, несмотря на все его странности – вроде аккуратно сложенного грязного белья и постоянной смены внешности. Когда он несколько дней не появлялся, она скучала. Потом, одним теплым апрельским вечером, к прачечной подъехала его машина, и она каким-то образом поняла, что он приехал пригласить ее на свидание. Эта мысль ее воодушевила.

Он подождал, пока она закончит с клиентом, и застенчиво пригласил ее на ужин. Она вспомнила, что у нее назначена встреча с подругой.

– Я не могу, – сказала она. – Мне... жаль. Я бы с удовольствием.

Он похлопал себя по груди:

– Ты разобьешь мне сердце. Я давно хотел это сделать.

– Послушай, – сказала она, уже злясь на себя за уступчивость, – может, я смогу перенести встречу.

Он забрал ее, когда прачечная закрылась в десять. По дороге в Саут-Хилл он гнал так, что она держалась за ручку двери.

– Пожалуйста, – сказала она спустя некоторое время, – можно немного медленнее?

Ей не хотелось показывать страх – она и сама ездила быстро, как большинство местных, – но это было уже опасно.

– О, конечно! – ответил он.

Через пару минут они снова мчались.

Они поужинали в кафе «Сан-Режи», уютном месте с хорошей кухней и теплой атмосферой. Джини не хотелось, чтобы он еще глубже влезал в долги, поэтому она заказала омлет. Он же, к ее удивлению, набрал целую кучу блюд, включая десерт – слишком много для человека, который утверждает, что сидит на строгой диете.

Он обезоруживающе откровенно рассказывал о себе, пока она рисовала на бумажной скатерти. Он признался, что давно к ней тянется. Пообещал, что однажды отвезет ее на шоу в Лас-Вегас, прокатит по ночному Беверли-Хиллз, побежит с ней по песку в Санта-Монике на закате.

– Ты пытаешься произвести на меня впечатление? – спросила она.

– Ну... да.

Ей понравилось, что он не стал выкручиваться.

– Не старайся. Ты уже произвел на меня впечатление. Ты сам, а не то, что ты можешь мне предложить.

За кофе он положил руку на ее. Это было правильно – точно и вовремя. Когда-то она боялась стать разлучницей, но сейчас не чувствовала вины. Его брак был мертв – он ясно дал это понять. Сначала она сомневалась, но его история казалась логичной. В то время, когда многие мужчины убегали от проблем, он, как ей казалось, шел им навстречу. Его порядочностью трудно было не восхищаться.

После кофе он сказал, что должен отвезти ее домой – не хотел злить Дженнифер слишком поздним возвращением. Может быть, когда-нибудь все изменится.

Он посадил Джини у дома ее больной матери, где она собиралась провести ночь. Идя по лужайке, она почувствовала легкое головокружение. После долгой череды рукоуев и приставал она наконец встретила джентльмена. То, что он красив, высок, атлетичен, казалось уже лишним. Он не был изящным – скорее неуклюжим, с чуть переваливающейся походкой, – но эта неловкость делала его даже привлекательнее. Впервые за много лет мужчина ее по-настоящему возбуждал.

Когда она вошла в дом, мать спала. «Слава Богу», – подумала Джини. В последнее время шизофрения обострилась: мать могла без причины выгнать ее, потом звать обратно, плакать, извиняться, терять нить мыслей. Она обнимала Джини, плакала, потом плакала Джини – до следующего всплеска агрессии.

Хуже всего было то, что Ширли Перхэм оглохла. Ее некогда красивое лицо распухло от лекарств, язык стал тяжелым, неповоротливым.

«Спи, мама, – подумала Джини. – Пусть тебе снятся прежние дни».

Когда-то мать была счастливее всего, помогая другим. Теперь эта самая заботливая женщина едва могла помочь себе. Джини не считала ее обузой – скорее попавшей в беду близкой подругой. Самой близкой. Она поцеловала ее в щеку и пошла домой, думая о Кевине.

Через неделю они снова встретились. Все повторилось: разговор, ужин, быстрая езда. Он сказал, что теперь будет занят – крупные сделки, проблемы с женой. Джини сказала, что подождет.

Через два дня, едва она пришла в прачечную, позвонила соседка матери. Что-то случилось. Может ли она срочно приехать?

Когда она подъехала, перед домом стояла патрульная машина с мигалками.

– Что произошло? – спросила она полицейского.

– Женщина в доме выстрелила себе в грудь.

Она попыталась войти, но он остановил ее.

– Я ее дочь, – настаивала она.

– Опечатано, пока не уедет коронер, – вежливо сказал он. Соседка крепко держала ее. Краем глаза она увидела, как через входную дверь вкатывают носилки.

Полицейский показал ей предсмертную записку: «Я верю в реинкарнацию. Я глухая и не хочу стареть со всеми этими проблемами, включая психические заболевания. Я ухожу. Пожалуйста, – я извиняюсь, – прости меня». Там же было нацарапано предложение для ее собственной матери, бабушки Джини: «Ты знаешь о договоренностях».

Это были последние слова ее самой близкой подруги.

После похорон Джини вернулась в дом матери и легла на ту самую кровать. Дом был пуст, и сначала ей стало страшно. Потом она закричала:

– Мама, я злюсь. Я очень злюсь на тебя. Зачем ты так поступила? Я бы тебе помогла! Я бы осталась с тобой! Мне все равно, что ты глухая – я была бы твоими ушами!

Слова перешли в рыдания.

Постепенно Джини смирилась с тем, что произошло. Она не пыталась это оправдать или объяснить – просто приняла как факт, с которым теперь нужно жить.

Она знала, что будет скучать по Ширли Перхэм – не постоянно, а всплесками, горько-сладкой тоской.

Кевин позвонил и предложил помощь. При встрече он сказал, что обеспокоен тем, что она не обратилась к нему. Он восхищался ее силой, ее выдержкой и сказал, что ценит независимых женщин, умеющих справляться с кризисами. Джини начала думать, что он ищет именно такую женщину.

* * *

В 22:15 в последний день апреля 1979 года молодая женщина бежала трусцой по тихим улицам Саут-Хилл. На пустом перекрестке мужчина попытался сбить ее с ног. Она вырвалась. Позже она описала нападавшего: белый мужчина, около двадцати пяти лет, рост около 188 см, около 80 кг, каштановые волосы средней длины, уложенные феном или завитые, армейская куртка хаки, светлая рубашка и джинсы. Он пытался засунуть ей руку и пальцы в горло.

14

Еврейский бизнесмен из Лас-Вегаса интересовался инвестициями в массажный бизнес.

Я тщательно изучил рынок. Они решили, что я просто сексуально озабоченный – не понимая, что у меня исключительно деловой интерес.

Фред Коу, 26 мая 1982 года

Персонал «Логова тигра» вечно подкалывал «массажистку» Мисти – как она вообще попала в этот бизнес. Проработав шесть месяцев, она и сама уже могла оценить юмор. Должно быть, ее считали совсем зеленой. Можно ли быть наивнее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.